

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДЕЯТЕЛЕЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА Л. И. МЕЧНИКОВА

Вступительная статья и публикация А. К. и О. В. Лишних

ЛЕВ МЕЧНИКОВ — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУБЛИЦИСТ И УЧЕНЫЙ

Русское общественное движение второй половины XIX в. формировало людей, многие из которых поражают историков своей исключительностью. Различными были пути и масштабы их деятельности, но верность идее освобождения народа составляла их главную отличительную черту. Борьбе за эту идею они отдавали все свои силы и всю свою жизнь.

Нередко случалось, что условия подполья или неустроенность эмигрантской жизни мешали накоплению и сохранности личных архивов. Далеко не все успели оставить потомкам свои воспоминания. В результате имена некоторых бойцов того славного времени лишь с опозданием на десятилетия смогли занять подобающее им место в летописях русского революционного движения и в истории русской общественной мысли.

К ним относится имя Льва Ильича Мечникова (1838—1888) — публициста и художника, беллетриста и социолога, путешественника и педагога, революционера и ученого, на долю которого выпала почетная и сложная задача — почти тридцать лет представлять за границей русскую революционную мысль, русскую культуру и науку. Несмотря на давний интерес историков и литературоведов к жизни и деятельности Мечникова, его научная биография до сих пор еще не составлена, не изучено сколько-нибудь обстоятельно его литературное и научное наследие, не освещена его роль в русском и международном общественном движении того времени. Причина кроется не только в недостатке документальных источников. Слишком уж широк диапазон его интересов и круг вопросов, которые он рассматривал в своих работах — авторских и переводческих (Мечников владел более чем десятью языками, в том числе японским, китайским, турецким и арабским). Кроме того, часть трудов, особенно научных, была написана им на иностранных языках и опубликована в разное время в самых разных зарубежных изданиях¹. Задача осложнялась и тем, что значительную часть своих работ, преимущественно на русском языке, он подписывал псевдонимами или криптонимами².

За двадцать восемь лет эмигрантской жизни Мечников, в качестве ученого и журналиста, успел объездить, не считая европейских стран, Ближний Восток, Северную Африку, Японию, побывать в Корее, Индокитае, Китае, Соединенных Штатах Америки, принять участие в русском, польском, итальянском, испанском, французском революционном движении. Он внес весомый вклад в борьбу колониальных народов за свою независимость, стал выдающимся географом-ориенталистом, одним из первых русских востоковедов, написал и издал десятки статей по вопросам этнографии, антропологии, истории, литературы, экономики, социологии, психологии, педагогики, истории религии, ряд политических обзоров и путевых заметок, две научных монографии.

Его педагогическая деятельность в Швейцарии и Японии снискала ему репутацию талантливого педагога и просветителя. Его знали и уважали многие современники. Имя его известно историкам различных стран, а в некоторых из них, например, в Японии, оно окружено глубоким уважением.

Личный архив Мечникова дошел до нас как составная часть архива его приемной дочери Н. В. Кончевой³. Официальные справки о Мечникове и другие материалы, касающиеся его семьи, можно найти в делах департамента полиции⁴. Кроме того, неопубликованные письма Мечникова к Л. Ф. Маклаковой (Нелидовой) сохранились в ее архиве⁵.

Все эти документы — письма Мечникова, а также письма, адресованные ему и его жене, Ольге Ростиславовне (по первому мужу Скарятиной), записные книжки, рукописи и гранки статей, дорожные паспорта и визитные карточки, проспекты публичных лекций, газетные вырезки, некрологи, рукописные воспоминания О. Р. Мечниковой, фотографии, стихи и рисунки — позволяют полнее представить образ Мечникова, известный до сих пор по воспоминаниям современников, по очеркам его первых биографов и исследователей и по весьма немногим документальным источникам. С этой точки зрения заслуживают внимания также беллетристические и мемуарные произведения Мечникова. Среди них, помимо широко известных «Записок гарибальдийца»⁶ и воспоминаний о Бакунине⁷, следует назвать повести «Смелый шаг»⁸ и «На всемирном поприще»⁹, которые носят, как нам удалось установить, автобиографический характер.

Особый интерес представляют материалы, касающиеся второй половины жизни Мечникова, освещенной в отечественных исследованиях значительно слабее, чем первая, связанная с Италией, гарибальдийским движением и участием в деятельности «молодой эмиграции»¹⁰.

1

Лев Ильич покинул Россию в 1859 г. в составе направленной в Малую Азию дипломатической миссии генерала Мансурова, где он занимал место переводчика. Сведения о раннем периоде жизни Мечникова, почерпнутые главным образом из неоконченных воспоминаний его жены, из автобиографической повести «Смелый шаг» и ряда архивных документов, можно найти в статье А. К. Лишиной «Русский гарибальдиец Лев Ильич Мечников», посвященной первой половине жизни Мечникова и его связям с итальянским освободительным движением¹¹.

Не повторяя здесь сказанного в этой статье, отметим только, что первое открытое выступление Мечникова на стороне русской революционной эмиграции прозвучало летом 1863 г. на митинге во Флоренции, где он горячо высказался в защиту польских повстанцев. Герцен в «Колоколе» назвал это выступление «первым словом проснувшейся русской совести»¹². Осенью 1863 г. произошла встреча Мечникова с Герценом на парадном обеде во Флоренции, устроенном эмигрантами в честь патриарха русской бесцензурной печати¹³. А вскоре Мечников по просьбе Герцена взял на себя переброску, «верную и даже безденежную», лондонских изданий из Ливорно в Константинополь и далее в Одессу¹⁴. По нашим данным, деятельность Мечникова по пересылке через итальянских подпольщиков нелегальной литературы непосредственно в Петербург, Николаю Курочкину, продолжалась и в январе 1865 г. (Лишина, с. 184—185). Таким образом, начало сотрудничества Мечникова с русской революционной эмиграцией следует отнести к лету и осени 1863 г.

Спустя год, в декабре 1864 г., Мечников с семьей переезжает из Италии в Швейцарию, в Женеву. Есть основания полагать, что до отъезда он успел побывать в Цетинье, где его радушно встретили черногорские повстанцы, однако к участию в боях с турками они его не допустили. Намек на этот эпизод можно найти в повести «На всемирном поприще», где описан визит главного героя в Цетинье, его переговоры с руководителями повстанцев и дана зарисовка черногорского костюма, висящего в комнате героя рядом с рубашкой гарибальдийца¹⁵.

Интерес и горячее сочувствие к национально-освободительной борьбе угнетенных народов всегда были отличительной чертой Мечникова. Сочувствие это, как правило, не оставалось теоретическим. Об этой его черте свидетельствует, в частности, рекомендательное письмо, полученное им в связи с поездкой в Испанию в октябре 1868 г. Письмо составлено от имени Польского центра Всеобщего республиканского союза «Ognisko republikańskie Polski» * и подписано Людвиком Булевским, одним из руководителей левого крыла польских революционеров, человеком, связанным с Марксом и решительно выступавшим накануне восстания 1863 г. за наделение земель польских крестьян. Письмо написано по-французски. Его текст в переводе на русский язык гласит: «Мы рекомендуем гражданина Мечникова, капитана при штабе корпуса под

* «Польский республиканский светоч» или «очаг» (польск.).

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО, ВЫДАННОЕ Л. И. МЕЧНИКОВУ ОТ ИМЕНИ СОЮЗА «ПОЛЬСКИЙ РЕПУБЛИКАНСКИЙ ОЧАГ»:

«Мы рекомендуем гражданина Мечникова, капитана при штабе корпуса под командованием генерала Гарибальди, всем патриотам в Испании как храброго солдата и защитника свободы и независимости народов»

Женева. Октябрь 1868 г.

Центральный архив
Октябрьской революции,
Москва



командованием генерала Гарибальди, всем патриотам в Испании как храброго солдата и защитника свободы и независимости народов» (Литина, с. 167; см. также наст. страницу).

Поездка Мечникова в Испанию была предпринята им в связи с начавшейся там революцией. Текст рекомендательного письма подтверждает предположение Б. П. Козьмина, что целью поездки было установление контактов между русской революционной эмиграцией и испанскими революционерами¹⁶. Вместе с тем необходимо отметить, что русские революционеры, в том числе Мечников, еще в августе 1868 г. ясно отдавали себе отчет в характере предстоящей испанской революции: «В Испании собирающиеся генералы все либерального свойства: стало быть, там будет не война, а революция; и это предположение подтверждается отчасти прибытием в Португалию орлеанистского принца Наполеона, начинающего свое поприще кандидата на могущие оказаться вакантными престолы, — герцога Монпансье»¹⁷. Стоит сопоставить эту характеристику приближающихся событий в Испании с замечаниями относительно задач «настоящего революционизма» (№ 7, с. 102), чтобы стал понятным пролический смысл приведенного высказывания. Впечатления от поездки в Испанию были изложены Мечниковым в серии статей, опубликованных в «Отечественных записках» (1869, № 2—5, 8, 11, 12).

В начале 1870-х годов Мечников много ездит по странам Западной Европы, что связано, по-видимому, с революционной работой, с оказанием помощи преследуемым парижским коммунарам¹⁸. Живя в Швейцарии, он, по определению полицейской справки, «очень способствовал развитию социализма и нигилизма в среде русских студентов...»¹⁹.

Практическое участие в революционном движении разных стран и характерное для Мечникова пристальное внимание к социальным проблемам не только в Европе,

но и в странах Азии и Америки расширяет его политический кругозор и усиливает его роль революционного пропагандиста. Оружие революционного волонтера, верно послужившее ему в молодые годы, Мечников меняет на перо публициста.

В начале 1867 г. Мечников и Н. И. Жуковский обратились к Н. П. Огареву с предложением об издании русского трехмесячника²⁰. Однако это предложение, как и другие, подобные ему, не было поддержано. В 1868 г. Мечников и Н. Я. Николадзе, а по нашим данным еще и С. Я. Жеманов²¹, предпринимают издание научно-теоретического и общественно-политического журнала под названием «Современность». Он начал выходить в Женеве в апреле и окончил свое существование на седьмом номере в октябре того же года — не только из-за недостатка средств у его издателей. Была, очевидно, и другая, не менее веская причина прекращения журнала: он не встретил поддержки в среде революционной эмиграции из-за своего направления, существенно отличавшегося как от линии, принятой «Колоколом», так и от взглядов значительной части «молодой эмиграции». Издатели предвидели и такой поворот событий, когда в № 1 «Современности» поместили краткую заметку от редакции:

«Мы предполагаем выпустить под этим заглавием несколько *пробных* номеров. Если они сумеют заинтересовать читающую публику, мы придадим изданию регулярный периодический характер и сделаем все возможное для того, чтобы оно служило серьезным обзорением современной политической и общественной жизни» (№ 1, с. 2).

До сих пор журнал Мечникова и его соиздателей связывается у литературоведов и историков в первую очередь со скандальной историей, развернувшейся вокруг статьи «Русская эмиграция» («Современность», № 3) и резкого ответа на нее А. А. Серно-Соловьевича в брошюре «Миколка-публицист». Некоторые современные исследователи вслед за Серно-Соловьевичем называли статью «Русская эмиграция» клеветой на революционную эмиграцию²²; в одном из справочников по русской журналистике журнал определен как «издание буржуазно-либерального характера»²³. Непосредственное знакомство с материалами «Современности» показывает, как далеки от справедливости эти оценки.

Издатели журнала, не подписывая ни одной статьи, в шестом номере настоятельно советуют читателям не интересоваться авторством публикуемых материалов. Они предлагают заглядывать «в душу», а не в физиономию редакции, выставляющей напоказ «не фамилии сотрудников или редактора, а зная или название журнала» (№ 6, с. 82). Это позволяет судить о взглядах Мечникова по всем опубликованным в «Современности» материалам, тем более, что многие из них носят явный отпечаток его литературного стиля²⁴.

Круг вопросов, поднимаемых журналом, широк. В нем обсуждаются задачи, стоящие перед русскими революционерами, говорится о роли революционера в современном обществе, об обострении социальных противоречий в России в результате половинчатых реформ 1860-х годов, о месте земства в пореформенной России, о роли и месте просвещения в современном обществе, о значении революций в истории общества и о значении так называемых переворотов, с иронией говорится о терроре как средстве борьбы, анализируется роль личности в историческом процессе, выясняется природа либерализма и его буржуазная сущность. Экономическая необходимость оценивается издателями как основа исторического развития. В принципиальной полемике с первым номером «Народного дела» «Современность» критикует «Народное дело» за поверхностное отношение к философской науке, к философии естествознания, за анархистские высказывания против государства, за недостаточное внимание к экономике, недооценку объективных законов общественного развития и революционное прекраснодушие.

Задача революционеров, с точки зрения издателей «Современности», состоит в том, чтобы самым серьезным и добросовестным образом изучать потребности народных масс, их стремления и нужды, с тем, чтобы в момент, когда в силу объективных причин правительственный механизм ослабнет, быть готовыми не только взять, но — и это самое главное — удержать власть. Народные массы, «более всяких агитаторов чувствующие на себе правительственный гнет», являются, по мнению издателей, основной силой революции (№ 7, с. 102—103). Только тот «истинный революционер, кто хоть на волос облегчит тяжелое бремя существования для массы тружеников» (там же). В то же вре-

ия издатели «Современности» считали, что «дело настоящего революционаризма, стремящегося к тому, чтобы людям на свете жилось легче, вольнее и разумнее», нисколько не выиграет, если удастся «выгнать из столицы Икса ХХХХХVI-го или заставить Зета ХХХХХ-го подписать лист бумаги» (там же).

Статья «Русская эмиграция», вызвавшая в свое время так много шума, вместе с аналогичной по содержанию статьей «Два поколения» (№ 6), не содержит и тени клеветы на революционную эмиграцию. Острые статей направлены лишь против поверхностного восприятия идей революционного преобразования России. В статьях анализируются настроение и эволюция той части молодежи, которая, усвоив критическую сторону революционной идеологии, и то лишь поверхностно, не имеет за душой никакой серьезной положительной программы, не пытается ее выработать. Эта часть молодежи, лишенная подлинной революционной убежденности, усвоившая лишь идеологию протеста и разрушения, отказывалась в условиях спада революционной волны от борьбы, предавала, как Кельсиев, разочаровывалась, как позднее это случилось со Львом Тихомировым. Именно отсутствие ясной положительной программы было слабым местом многих членов «молодой эмиграции». В специфических условиях эмигрантской жизни такая слабость становилась опасной, мешающей развитию русского революционного движения. Это обстоятельство и заставило издателей «Современности» выступить с резкой критикой революционного прекраснотвория, увлеченности идеями вместо убежденности, догматизма вместо знания жизни. Анализируя причины отступничества Кельсиева, автор статьи «Два поколения» пишет:

«Он пленился идеалами, свылся с фразами запрещенных книг, влюбился, со слов г. Герцена и наших патриотов 1853—1855 гг., в величие русского народа и русской земли и пошел чистосердечно проповедовать ненависть к тиранам и великое будущее славян вообще и русских в особенности. Между тем в русской литературе — не запрещенной и не беллетристической, и потому не пользовавшейся вниманием г. Кельсиева и подобных ему деятелей, — происходила иного рода работа: представители тогдашнего молодого поколения, Чернышевский и Добролюбов, выясняли причины и условия гнета, давившего тогда русскую жизнь, и неутомимо доказывали в длинных и коротких статьях, в «Свистке» и в критических рассуждениях, что этот гнет не так призрачен, как кажется многим юношам, и что гнусные стороны русской жизни заключаются не в одних жандармах и не в одном третьем отделении. При всяком удобном и неудобном случае они старались провести мысль, что бесполезно расточать громкие фразы против общего строя государственной жизни или делать против него бесплодные вылазки, что теперь необходимы более осмысленные и практические попытки изменить в более или менее узких границах не нравившийся нам быт и строить свою личную жизнь и жизнь приближенных лиц на началах, казавшихся честными и справедливыми, чтобы этим создать и увеличивать мало-помалу силу для более широкой и реальной перделки основ общественных отношений» (№ 6, с. 84).

В целом для взглядов издателей «Современности» — и Мечникова в том числе — характерно неприятие как либеральных надежд на правительственные реформы, так и анархистской программы Бакунина (№ 7, с. 105), как планов немедленной социалистической революции в России, так и мелкобуржуазной революционности Прудона. Мечников рассматривает революцию как результат объективного общественного развития, как смертельную схватку неимущих слоев с имущими, которая не кончается, а лишь начинается захватом власти. Он призывает русскую революционную молодежь к изучению опыта общественного развития и экономики России и других стран, к внимательному анализу происходящих событий с точки зрения неимущих классов и идеала, заложенного в социальную революцию (№ 7, с. 103). Он предупреждает, что господство тех или иных взглядов и теорий в обществе определяется «не личными талантами и энергиею провозвестников этого взгляда», а стечением обстоятельств, «благоприятно настраивающих умы общества к усвоению известного взгляда на вещи» (№ 4, с. 54).

Постоянное внимание к русским делам и широкие международные связи, путешествия и знание языков помогали Мечникову успешно накапливать факты, а эрудиция и убеждения давали возможность осмысливать их с революционных позиций. Рассматривая область социальных явлений, Мечников продолжил в своих статьях ма-

териалистическую и диалектическую линию, намеченную Чернышевским и Добролюбовым, подчеркивая при каждом удобном случае, что в основе революционного движения лежит не борьба принципов, не проявление «исторического предназначения», а простая «борьба людей за существование» (№ 2, с. 23—26).

Чрезвычайно характерна для «Современности» оценка социальных противоречий в Турции и на Балканах. Основными противоречиями на Балканах издатели считают не национальное, не религиозное, а только классовое угнетение: «Положение народа ничуть не изменится оттого, что его будут угнетать не турки, а единоплеменники или единоверцы» (№ 5, с. 78). Причину же обострения общественных отношений в Турции они рассматривают как результат крайней экономической отсталости страны, прямой и жестокой эксплуатации народа, не смягченной «утонченными способами, как это делается в Европе и как это начинает делаться у нас в России» (там же, с. 77).

Мы не имеем оснований утверждать, что Мечников был последователем Маркса, но знаем, что в начале 1870-х годов, когда у Мечниковых в Женеве гостила Л. Ф. Маклакова, она изучала «Капитал» под его руководством²⁵. Следовательно, к этому времени сам Мечников знал «Капитал» достаточно хорошо и считал нужным пропагандировать его среди молодежи.

О том, какую важную роль отводил Мечников печати в деле организации революционного движения, свидетельствует один из документов его архива. Это черновой набросок программы подпольной газеты, ставящей целью создание в России революционной партии. Текст документа написан рукой Мечникова и датируется нами по содержанию 1878 или 1879 г.²⁶ Этот набросок является составной частью письма неизвестному адресату, в котором затрагиваются также организационные вопросы издания и переброски газеты в Россию. Верный своему принципу тесной связи с массой, изучения нужд и потребностей народа, Мечников выдвигает проект газеты-организатора, органа, стремящегося «объединить общественные элементы в действующую партию на возможно широких основаниях. Отсюда является необходимость найти такие практические требования, которые обнимали бы интересы как народа, так и интеллигенции, независимо от различия в отдаленных теоретических идеалах последней (интеллигенции)» (л. 1). Указав далее, что «чисто социалистические требования» имеют в данный момент «для России скорее чисто теоретический интерес» (л. 1 об.), Мечников подчеркнул тем самым, что не разделяет народнических надежд на близкие перспективы социалистической революции в России конца 70-х годов, так же как не разделял их в конце 60-х годов, если судить по журналу «Современность». В условиях развивающегося в России капитализма, обострения революционной борьбы и кризиса народнической тактики, он считал правильным выдвижение в России в качестве первоочередных лозунгов требования буржуазно-демократических свобод (л. 1 об.), причем «первой работой» газеты он считает «критику существующего с точки зрения его внутренних противоречий» (л. 2), т. е. одно из главных положений, которое практически было осуществлено в «Современности».

Интересно в этой связи отметить, что отношение Мечникова к революционному народничеству было двойственным. Отдавая должное героизму молодежи, воспитанной, как он считал, на традициях «Современника», Мечников в то же время называл народническое движение «геройским подвигом», не имеющим под собой сколько-нибудь прочной социально-экономической основы²⁷. Отмечал он у молодого поколения и черты догматизма, аскетизма и фанатизма, всегда ему претившие²⁸. Идейные и тактические расхождения с революционными народниками не мешали Мечникову относиться ко многим из них с глубоким уважением и симпатией. Многолетняя дружба связывала его с семьей С. М. Степняка-Кравчинского, с В. И. Засулич. Молодежь платила ему признанием. Об этом говорит и поздравительная телеграмма от русских студентов в Женеве в день его пятидесятилетия²⁹, и подписной лист на сбор средств для установки памятника на его могиле в Кларане³⁰, и некролог, написанный, по-видимому, Г. В. Плехановым³¹.

Резко отрицательно относился Мечников к либеральному народничеству, в особенности к попыткам совместить народнические теории с толстовским морально-религиозным учением и тем самым идейно разоружить русскую революционную интел-

лигенцию. В 1886 г. Мечников набрасывает черновик письма издателю «Русского богатства» Л. Е. Оболенскому, в котором четко определяет свое отношение к либеральному народничеству и к толстовству. «Журнал ваш с каждым № все решительнее окрашивается тем направлением, которое я считаю по преимуществу предосудительным в настоящее время в России и на борьбу с которым я желал бы посвятить остающийся еще в моем распоряжении слабый запас сил»³². Одной из наиболее вредных сторон толстовства, по мнению Мечникова, была вражда к прогрессу, свойственная и теориям либерального народничества. В связи с этим он ядовито советует Оболенскому в том случае, если им с Толстым удастся повернуть историю вспять, вовремя остановиться хотя бы на эпохе Возрождения, чтобы не укатиться прямо ко временам зарождения Земли в космическом пространстве. По своей остроте, полемическому блеску и остроумию письмо Мечникова к Оболенскому является чрезвычайно интересным документом, но, к сожалению, местами оно трудно поддается расшифровке, так как писал его Мечников, по-видимому, во время болезни³³.

Приведенные материалы говорят о том, что Мечников был одним из последователей Чернышевского и пронес верность идеалам и традициям «Современника» через всю свою жизнь.

2

Первым выступлением Мечникова в печати была статья о сражении у стен Неаполя, помещенная в журнале «Indépendente», выходившем под редакцией А. Дюма-отца в занятом гарибальдийцами городе³⁴. Возможно, что публикация этой статьи послужила толчком к подготовке «Записок гарибальдийца», первого, насколько нам известно, произведения Мечникова, напечатанного в России.

Почти все тридцать лет жизни в эмиграции сотрудничество в русской легальной печати оставалось для Мечникова главным источником заработка. В своих рукописных автобиографических заметках «Встречное и поперечное» (1884) Мечников писал: «Слишком двадцать лет я существовал почти исключительно работою в русских журналах; работою подневольною, из-за куска хлеба, при которой размеры и архитектуру каждой статьи приходится соотнобразовывать с итогами счетов, подлежащих и уплате не позже следующего месяца. Что еще хуже — работою подцензурною, при которой тщательно надо было гнать безжалостно прочь именно каждый такой оборот, который выражал всего прямее и всего проще мою мысль во всей ее силе и яркости, — при которой писать приходилось решительно обо всем, кроме того, о чем чувствовалась потребность писать в данную минуту...»³⁵

В начале 1860-х годов Мечников печатал статьи, посвященные в основном итальянской тематике. В 1861—1862 гг. несколько корреспонденций из Италии появилось в приложении к «Русскому вестнику», где незадолго до этого были напечатаны «Записки гарибальдийца». В 1862—1864 гг. семь статей Мечникова были опубликованы в «Современнике». Какое-то число статей осталось, по-видимому, неопубликованным. Сменивший Чернышевского на посту редактора «Современника» после ареста последнего А. Ф. Головачев 3 июня 1863 г. сообщал Мечникову, что из пяти его статей, находящихся в редакции, только три имеют шансы быть опубликованными (Лыжина, с. 132).

Во второй половине 1860-х годов Мечников печатался главным образом в «Отечественных записках». В архиве сохранилось письмо Некрасова Мечникову от 15 апреля 1868 г. с уведомлением, что статья «Очерки швейцарской жизни и нравов» принята и будет напечатана с продолжением³⁶. В 1869 г. в «Отечественных записках» появилась серия статей Мечникова, посвященных поездке в Испанию.

Расцвет журналистской деятельности Мечникова приходится на 1870-е — начало 1880-х годов, когда он сотрудничал в «Деле». Только в 1879 г. в этом журнале им было напечатано 32 с четвертью авторских листа, и лишь за три первых месяца 1880 г. — десять с небольшим печатных листов (см. наст. том, с. 483).

Тематика статей, напечатанных Мечниковым в «Деле», особенно разнообразна. Здесь можно встретить работы по вопросам истории, этнографии, экономической географии, социологии, педагогики, литературы. За каждой из них стоит огромная эруди-

ция, незаурядная работоспособность, напряженный труд. Статьи эти стоили автору сильного нервного напряжения. Он сам отметил это во «Встречном и поперечном»: «Написанная страница становится злейшим моим врагом, и даже с геройскими усилиями над собою, я не всегда могу заставить себя перечитать оконченную статью...»³⁷

О своеобразной манере Мечникова работать над статьями рассказывает в своих воспоминаниях его жена: «Я никогда даже не слыхивала о такой способности работать и так сосредоточиваться на своей работе: он никогда, ничего, не только статьи, но даже свои книги не писал начерно. Часто статьи посылались даже неперечитанными. Обыкновенно он читал мне начало статьи; потом завязывался разговор, он увлекался и рассказывал мне продолжение ее. Пока он ее писал, он уже ни о чем другом не мог думать, им овладевала лихорадка и его нельзя было оторвать от нее ни для еды, ни для сна. Когда работа была кончена, напряженные нервы разом опускались, ему было скучно и противно ее перечитывать, и он успокоивался только тогда, когда статья была запечатана. Его нельзя было оторвать от начатой работы, но он мог ее писать под шум разговоров в той же комнате, он даже слышал эти разговоры и вмешивался в них. Только в последние 2—3 года ему стали разговоры мешать писать»³⁸.

Среди разнообразных работ Мечникова особняком стоят его беллетристические произведения. Их немного, и они, как правило, автобиографичны.

Анализ повести «Смелый шаг» и сопоставление ее с документами архива, в первую очередь с воспоминаниями О. Р. Мечниковой, дают убедительную картину внутреннего развития личности и становления мировоззрения главного героя Богдана Спотаренко. Фамилия эта выбрана не случайно. Один из предков семьи по отцовской линии, Николай Спотарь Милешту, выходец из Молдавии, талантливый переводчик, дипломат, путешественник, был приближенным царя Алексея Михайловича и первым учителем Петра Первого. Биограф Мечникова М. Гродецкий передает фамилию предков Мечникова как Спадаренко, снабжая это место своей статьи примечанием: «Румынское слово *spada* в переводе на русский язык значит меч. Отсюда и *Spadarenko*-Мечниковы»³⁹. В повести описаны детство, юность и студенческие годы героя, история его увлечения русской литературой, естествознанием, поиски своего пути, пробуждение общественных интересов.

В главной героине, Л. Г. Стретневой, нетрудно узнать О. Р. Мечникову (Скарятину), в Н. С. Стретневе — В. Д. Скарятина, ее первого мужа. Герои повести, как и герои романа Чернышевского «Что делать?», появившегося на страницах «Современника» тремя месяцами ранее, в марте — мае того же 1863 г. — это новые люди, восставшие против принятых общественных норм, люди, готовые, по выражению Мечникова, «постоять за то, что по их душевному убеждению заслуживает быть отстоянным»⁴⁰. Важное место в повести занимает психологическая эволюция Лизы Стретневой, для понимания которой много дают воспоминания О. Р. Мечниковой и ее письма к А. И. Герцену⁴¹.

Сходство между «Смелым шагом» и романом Чернышевского прослеживается не только в сюжете, но прежде всего в идейной позиции героев. Мысль Писарева по поводу романа «Что делать?» о том, что «в жизни новых людей не существует разногласия между влечением и нравственным долгом» и что именно это «позволяет им быть человеколюбивыми и честными по тому непосредственному сильному влечению природы, которое заставляет каждого человека заботиться о своем самосохранении...»⁴², перекликается с монологом героя повести «Смелый шаг»: «А встретить я хоть одну, которой бы действительно нужен был этот выход, неужели ты думаешь, что я не отдал бы жизнь за то, чтобы стать ей ступенькою? И вовсе не из-за какого-нибудь священного долга, бескорыстной любви к человечеству, а просто из-за того, увы! прозякающего побуждения, из-за которого проголодавшийся человек предпочтет хороший обед гнилым щам в грязной харчевне». В другом месте повести герой утверждает: «Для меня дорог тот человек, который сумеет отстоять против общей пошлости то, с чем хорошо живет людям. Для себя или для других, это мне решительно все равно»⁴³.

Среди документов архива сохранился отзыв неизвестного лица о повести «Смелый шаг», написанный, по-видимому, в связи с рецензией на нее, появившейся в одном из русских журналов. «Рьяный публицист, в невинном увлечении своем,—говорится в

Л. И. МЕЧНИКОВ

Фотография, 1880-е годы

Собрание А. К. и О. В. Лишинных,
Москва

этом отзыве, — видит какую-то угрожающую доктрину даже там, где, в сущности, нет ничего другого, кроме простого рассказа из современной общественной жизни. Это повесть, повесть, повесть, — и ничего больше... кроме разве того, что повесть эта, по внутреннему своему содержанию, несравненно более нравственна, нежели те паскудные произведения легкого клубничества, которыми, тоже под фирмою повестей, отравляет свою публику «Русский вестник»⁴⁴.

Повесть «На всемирном поприще» (сам Мечников называет эту работу очерком) посвящена жизни русской эмиграции в Париже. Перед читателем проходят люди разных профессий и разных социальных слоев: от афериста до художника и изобретателя — революционного эмигранта. Главному герою Степану Васильевичу Калачеву автор придал некоторые автобиографические черты: он художник, а Мечников в молодости мечтал стать профессиональным художником; он, как и Мечников, учился в Харьковском университете, служил в армии Гарибальди, ездил в Америку. Даже описание комнаты героя заставляет думать, что оно сделано с натуры: «Здесь классический аранжированный помещиком былых времен, любителя крепостных девок и собачьих свор, повис над красною фланелевою рубашкою гарибальдийского волонтера, любовно переплетаясь с португезею кавалерийской сабли, с заржавленной медною бляхою, на которой с трудом можно было разобрать каббалистические буквы U. — L. G. G., должныствующие обозначать Unita — Liberta, Giuseppe Garibaldi»⁴⁵. Упомянут в повести и «раззолоченный и расписной диплом, снабженный всеми должными печатями и гербами, ради приложения которых Степан Васильевич и по два пальца к небу поднимал и по два доллара платил, как водится в присутственных местах по ту сторону Атлантики»⁴⁶. Такой диплом о присвоении Мечникову гражданства Соединенных Штатов Америки сохранился в его бумагах⁴⁷.

Единственное произведение Мечникова мемуарного характера, рассказывающее о жизни флорентийской колонии русских эмигрантов, появилось в печати спустя девять лет после смерти автора, и это не случайно. В заметках «Встречное и поперечное» (запись 24 марта 1884 г.) Мечников высказал опасение, что сделанные им зарисовки современников, «как политических друзей, так и врагов», могут быть использованы для того, чтобы «бросить грязь в того или другого из революционеров наших дней»

(Лисица, с. 168). Это опасение было вызвано тем, что Мечников знал за собой способность трезвого и беспощадного анализа человеческих характеров. Оно усилилось, вероятно, после обращения к нему Л. Тихомирова 27 января 1884 г., за два месяца до этой дневниковой записи. Тихомиров писал Мечникову: «Один из наших общих знакомых, литераторов, передавал мне на днях, что вы давали ему читать свои записки или воспоминания о Бакунине. Не могу не упрекнуть вас, уважаемый Лев Ильич, за то, что вы, говоря со мною о возможном вашем сотрудничестве в «Вестнике Н<ародной> в<оли>», ничего не упомянули об этих записках, о которых упомянутый наш общий знакомый отзывается как о в высшей степени интересных. Не можете ли вы что-нибудь из них дать нам? Мемуары, особенно касающиеся таких крупных революционеров, вообще крайне желательно иметь в журнале. Надеюсь, что вы не откажете мне в этой просьбе»⁴⁸.

Глубокая принципиальность Мечникова, переходящая в этом вопросе в щепетильность, не позволила ему дать согласие на публикацию воспоминаний. Они были изданы под названием «Бакунин в Италии в 1864 г.» Н. Викторовым в «Историческом вестнике» только в марте 1897 г. Каких-либо других воспоминаний Мечникова о его друзьях и знакомых — С. М. Степняке-Кравчинском, П. А. Кропоткине, Элизе Реклю, — насколько нам известно, не осталось. Во всяком случае, начатая им в 1884 г. «Встречным и поперечным» тетрадь воспоминаний так и не была заполнена до конца. Может быть, это объясняется еще и большой занятостью Мечникова в последние годы жизни, и его болезнью. 1880-е годы — это годы работы над книгой «Цивилизация и великие исторические реки», которую он так и не успел закончить, годы сотрудничества в редакции «Всемирной географии» и преподавательской работы в Невшательской академии в Швейцарии, где Мечников в начале 1880-х годов получил место профессора экономической географии и сравнительной статистики.

Говоря о мемуарных очерках Мечникова, посвященных его современникам-революционерам, нельзя обойти молчанием брошюру о М. Л. Михайлове, изданную в Русской Вольной типографии в Женеве не позднее 15 октября 1865 г. без имени автора⁴⁹. В своем сообщении Е. Кушева, не располагая прямыми доказательствами, пришла к предположению, что автором брошюры скорее всего был Мечников. В архиве Мечникова нами была обнаружена недатированная записка без подписи и обращения, написанная, судя по почерку, П. И. Якоби:

«Л. П. забыла сказать вам, что М<ихайлов> учился в Петерб<ургском> университете вместе с Чернышевским; они и жили вместе, и крайне бедствовали, занимая друг у друга по двугривенному. Чернышевский в университете был верующий до фанатизма (он сын попа), на своих тетрадях и книгах ставил кресты и писал «во имя Отца и Сына и т.д.»; Мих<айлов>, напротив, и тогда был в этом отношении нигилистом и наставлял Ч<ернышевского> на путь истинный. Ч<ернышевский> впоследствии всегда говорил, что первый толчок в развитии был дан ему Михайловым»⁵⁰.

Текст записки почти буквально совпадает с текстом брошюры: «Образование свое он окончил в Петербургском университете, где товарищем его был Чернышевский; некоторое время они даже жили вместе. Чернышевский в университете был верующим до фанатизма. Михайлов успел гораздо раньше отделаться от всякого мистицизма и догматизма. Юношеский жар своей души, требовавшей фанатических привязанностей и страстной любви, он перенес на дело свободы и мысли. Чернышевский впоследствии всегда говорил, что первый толчок на пути к развитию был дан ему Михайловым»⁵¹.

Сопоставление обоих текстов показывает, что именно записка послужила источником тех сведений о взаимоотношениях Чернышевского и Михайлова, которые нигде, кроме брошюры, не встречаются.

Под стоящими в начале записки инициалами «Л. П.» подразумевается, вероятнее всего, Людмила Петровна Шелгунова, так как другой женщины из этого кружка, к которому были близки Якоби и Мечников, с такими же инициалами мы не знаем. Таким образом, подтверждается предположение Кушевой о тесной связи автора брошюры с Шелгуновой, от которой были получены основные сведения о Михайлове. Очевидно, П. И. Якоби присутствовал при беседе Мечникова с Шелгуновой, а затем, по ее просьбе, сообщил ему запиской те сведения, которые Шелгунова «забыла сказать».

И хотя все еще нельзя считать окончательно доказанным, что записка адресована именно Мечникову, так как в ней нет обращения, однако то, что она сохранилась в личных бумагах Мечникова, может служить веским подтверждением предположения Е. Кушевой.

3

Архив Мечникова не содержит прямых доказательств его научных занятий вплоть до 1872 г., когда он был принят в число действительных членов Парижского Этнографического общества⁵². И тем не менее к этому времени он уже завоевал в широких научных кругах репутацию серьезного ученого и педагога. Иначе трудно объяснить полученное им в конце 1872 г. приглашение от имени японского министерства просвещения ехать в Токио на преподавательскую работу. Такое приглашение получили немногие ученые Европы и Америки. В течение 1873 г. улаживались формальности. К декабрю вопрос о поездке был решен уже окончательно.

Сам Мечников связывал с этой поездкой большие планы. Он писал о себе: «...я еще до отъезда из Европы освоился с японским языком и свел обширные знакомства с главнейшими из руководителей японского прогрессивного движения, а потому, живя в самой стране, я мог довольно основательно войти в японскую жизнь, общественную и домашнюю, гораздо полнее и глубже, чем это удастся большей части европейских туристов»⁵³. Среди визитных карточек в бумагах Мечникова сохранились карточки с именами Куки Рюити, Иидзука Осаму, Имадзуми Юсаку, Танака Мицуаки⁵⁴.

Помимо чисто практической возможности выбиться из постоянной нужды и обеспечить приемной дочери возможность учиться в университете, поездка представляла для Мечникова большой научный и общественный интерес. В декабре 1873 г. Г. Е. Благосветлов писал Мечникову: «В Японии все пересоздается заново, пробуждение ее полное и особенно интересное для наблюдения европейца. На первый раз для «Дела» было бы хорошо дать общий обзор тех внутренних реформ, которые она совершила в последнее время <...> Затем отношение Японии к Востоку могло бы составить предмет для другой работы. Во всяком случае, экономическое положение страны, дающее ключ к пониманию всех прошлых и текущих событий, по моему мнению, должно стоять на первом плане. Без него факты не поддаются обобщению» (см. наст. том, с. 479). Статьи Мечникова о Японии появились в журнале «Дело» (1876, № 10; 1877, № 2).

Начало 1874 г. ушло на подготовку к отъезду, а в апреле Мечников, по данным агентов III Отделения, «выехал из Швейцарии с намерением отправиться в Японию для занятия там профессорской кафедры»⁵⁵. Однако дата выезда Мечникова из Швейцарии должна быть уточнена, так как в бумагах его архива хранится уже упоминавшийся нами «раззолоченный диплом», свидетельствующий о том, что 21 марта 1874 г. Л. И. Мечников, находясь в Нью-Йорке, принял гражданство Соединенных Штатов. Не исключено, что поездка в Штаты была совершена по поручению японского министерства просвещения. В биографической статье о Мечникове Элизе Реклю пишет, что Мечников проделал огромную работу по привлечению в Японию видных европейских и американских ученых⁵⁶.

Причины принятия им американского гражданства остаются пока неясными. Возможно, это было вызвано какими-либо препятствиями формального порядка, затруднявшими русскому революционному эмигранту въезд в Японию и работу там.

Интересно, что агентура III Отделения не поверила в отъезд Мечникова в Японию и осталась в уверенности, что этот опытный конспиратор «в сущности <...> поехал в Париж, где сошелся с находящимися там кавказцами *Николадаг* и другими, с которыми продолжал свою революционную деятельность»⁵⁷.

Японский ученый С. Сато относит приезд Мечникова в Японию к апрелю-маю 1874 г., так как 6 июня он уже подал в Токийский муниципалитет прошение о прописке (см. наст. том, с. 506). Нам представляется более вероятным временем приезда конец мая или даже начало июня, если учесть, что 21 марта он был еще в Нью-Йорке, затем вернулся в Европу и отправился в Японию через Суэцкий канал, Красное море и Индийский океан, как он сам сообщает об этом в своей монографии «L'Empire Japonais» («Японская империя»). Вряд ли это путешествие заняло меньше двух месяцев. До своего



СОЛДАТ-ГАРИБАЛЬДИЕЦ

Акварель Л. И. Мечникова, 1860

Центральный архив
Октябрьской революции,
Москва

отъезда в Японию Мечников успел сдать экзамены на звание геометра, показав глубокие теоретические и практические знания в области алгебры, геометрии, тригонометрии и других специальных дисциплин и получить свидетельство об этом от швейцарских властей⁵⁸.

Два года, проведенные Мечниковым в Японии, были очень насыщенными. За это время он проделал большую работу по сбору материала для будущей книги «L'Empire Japonais» и целого ряда работ, посвященных Японии. Нужно отметить, что материалы, собранные в эти годы, легли в основу не только монографии о Японии, но и восьмого тома «Всемирной географии» Элизе Реклю, изобилующего ссылками на научные статьи Мечникова, опубликованные в «L'Extrême Orient» за июнь и июль 1877 г., в «Studies on Japan», и на его рукописные заметки о Японии. Эти ссылки касаются очень широкого круга вопросов: мятежа тайпинов 1848 г. в Китае и сведений по истории Кореи в японских летописях, фольклора Японии и литературного стиля старых японских писем, грабежа Японии португальцами в XVII в. и японского кустарного производства.

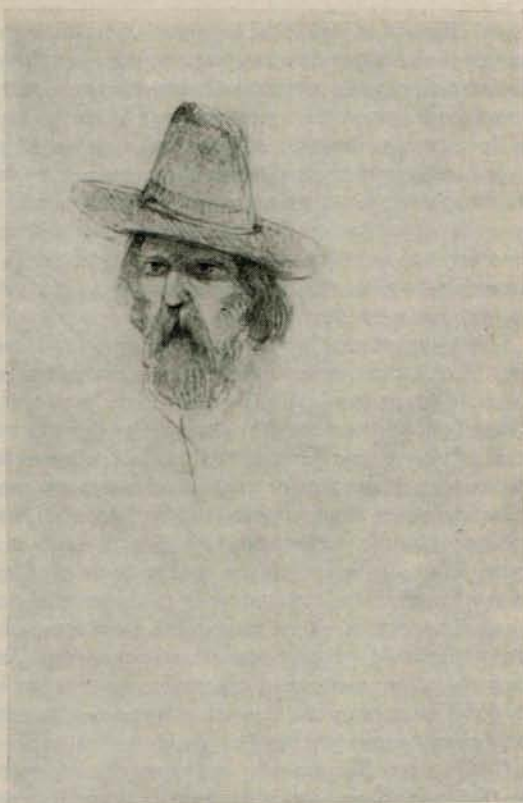
Монография «L'Empire Japonais» вышла из печати в 1881 г. в Женеве на французском языке. Она была оформлена рисунками автора в японском стиле и фотографиями его работы.

Судя по материалам С. Сато, за Мечниковым укрепились в Японии слава отличного педагога. Это не противоречит отзыву о его педагогическом таланте, полученному им в швейцарском частном пансионе Thudicum и сохранившемуся в его архиве: «Его преподавание ясно, точно и в высшей степени действенно. Он умеет поддерживать превосходную дисциплину, что должно приписать как твердости и благородству его характера, так и интересу, который он умеет внушить своим ученикам...»⁵⁹

Мечников пробыл в Японии до конца 1875 г. Во всяком случае, в январе 1876 г. он писал Л. Ф. Маклаковой уже из Сан-Франциско: «Сижу я здесь в следующем живописном положении: умирать я пока еще не буду, но заявить о своем пребывании в области живых могу еще только пока самыми элементарными процессами, более свойственными званию грудного младенца, чем мужа и отца... Долго ли продлится сие вре

КРЕСТЬЯНИН-ГАРИБАЛЬДИЕЦ

Рисунок Л. И. Мечникова, 1860

Центральный архив
Октябрьской революции,
Москва

менное положение? — известно одному Богу; но уже и теперь им нарушен срок, разрешаемый японским правительством для болезни своим европейским адептам. Стоит мне моя болезнь чёртову пропасть, но так как денег у меня вообще очень мало, то это бы еще не беда, то есть много я издержать все равно не могу. А вот, что уж совсем скверно: о какой бы то ни было работе еще долго не может быть и речи, а между тем сроки проходят. Моя рукопись застыла в неоконченном виде»⁶⁰.

Возвращение Мечникова из Японии домой, в Европу, было вынужденным: тяжелая болезнь повлекла за собой, по-видимому, нарушение контракта.

Вернувшись в Швейцарию, Мечников преподает в Невшаттельской академии, выступает с лекциями и научными сообщениями по материалам своего путешествия. В декабре 1876 г. он получает свидетельство о приеме в число действительных членов Женевского Географического общества⁶¹. На собрании членов этого общества он выступал с сообщением о бедственном положении в Соединенных Штатах эмигрантов из Европы, в частности из Швейцарии. По наблюдениям Мечникова, очень немногие приспособляются к новым условиям. Большинство эмигрантов из-за своего невежества и полного отсутствия всякой информации о стране, в которую они стремились попасть как в «землю обетованную», становятся жертвами мошенников и грабителей, нередко гибнут от болезней и голода не только на пути в Америку, но и в самой стране⁶². Мечников был связан, судя по переписке, также с Женевским и Лондонским обществами ориенталистов.

С начала 1880-х годов Мечников работает секретарем в редакции «Всемирной географии», которую возглавлял Элизе Реклю. По словам часто заменявшей Мечникова во время болезни, а впоследствии сменившей его на этой должности Н. В. Кончевской⁶³, работа эта заключалась в следующем: нужно было «составить библиографический список всех сочинений, относящихся к тому-то, который в этом году писался; список этот составлялся сначала в алфавитном порядке, а затем — по странам; на это уходило месяца два-три; затем надо было классифицировать по странам и отделам те

тысячи вырезок и выписок, которые постоянно набирались для работы; затем, конец года уходил на держание корректур, которых бывало до 15. Кроме того, в течение года надо было держать в порядке библиотеку и вести деловую переписку со всеми странами мира относительно нужных книг и их выписки...»⁶⁴

Мечников упоминает об этом периоде своей жизни во «Встречном и поперечном», где говорит, что подцензурная работа настолько вымотала его, что он перестал считать себя писателем: «Сам я в этом так глубоко и искренне убежден, что после двадцатилетней авторской карьеры ухватился, как за спасительный якорь, как утопающий за соломинку, за первую попавшуюся возможность добывать семью часами ежедневного, без праздников, полумеханического труда полувозможность самого скромного существования еле не впроголодь»⁶⁵.

И все-таки даже в эти трудные времена Мечников не бросает научных исследований. Заслуживает упоминания его статья о бушменах и готтентотах, опубликованная уже после смерти автора в «Bulletin de la Société Neuchateloise de Géographie» (v.1890). Не упуская случая выступить против расистских теорий колониалистов, Мечников пишет об африканцах: «Чтобы не быть истребленными хищными зверями, чтобы не умереть с голоду и спастись от многочисленных врагов — язычников и христиан, они должны были изо дня в день проявлять большой ум, наблюдательность, сообразительность, добросовестность, инициативу, здравый смысл, присутствие духа, воображение, решительность и волю. Никто лучше бушменов не знал этих обширных пространств. Бушмен никогда не покидал в беде своих товарищей, подлость ему незнакома. <...> Им очень дорога свобода, они очень талантливы» (перевод с французского). В других своих работах Мечников еще более резко высказывается против расистских идей и, пользуясь обширным историческим и этнографическим материалом, доказывает, что ни один факт не дает права ставить одну расу в привилегированное положение по отношению ко всему человечеству⁶⁶.

В бумагах Мечникова сохранился дорожный паспорт, выданный ему в начале 1885 г. для поездки в научную командировку в Марокко через Францию и Испанию⁶⁷. Поездка эта состоялась. В том же 1885 г. Мечников успел организовать турне по Швейцарии с целью пропаганды естественнонаучных знаний. В одном из писем к Л. Ф. Маклаковой он рассказывает: «Кажется, в момент вашего кратковременного сияния на нашем горизонте плала речь о моем проекте организовать по Швейцарии ряд космографических чтений с туманными картинками. Проект был осуществлен, задал мне немало волнений и хлопот и именно теперь прогорает, оставляя в моем дырявом кармане печальный след в виде более тысячи франков дефицита»⁶⁸. Швейцарские газеты 1885 г. в высшей степени похвально отзывались о публичных лекциях профессора Мечникова и его «технического помощника» г. Жеманова⁶⁹.

В 1885 г. наступило резкое ухудшение здоровья Мечникова: обострился туберкулезный процесс в легких. С этого времени здоровье его неуклонно ухудшалось. За год до смерти, в 1887 г., он пишет Л. Ф. Маклаковой: «...главное, впрочем, не кашель, а какое-то ничем не заглушаемое дохлое чувство; сознание того, что я уже не живу, а только донашиваю жизнь, страшно уже истрепанную, но которая чего доброго и несколько лет еще не свалится с плеч сама, если не сбросить ее энергичным жестом»⁷⁰. И в другом письме, 1888 г.: «...существенного улучшения здоровья я не ощущаю, а сознаю в себе все тот же разрушительный процесс, который решительно отравляет последние годы моего существования. Жить так жить, то есть иметь возможность здраво воспринимать впечатления, думать, работать. Растягивать же на возможно долгое время процесс постепенного умирания... право, не весело»⁷¹.

Мечников скончался 30 июня 1888 г. в швейцарской деревушке Кларан на берегу Женевского озера в возрасте пятидесяти лет, не успев дописать свою последнюю научную работу. Ее рукопись была завершена и издана Элизе Реклю под названием «La Civilisation et les grands fleuves historiques» (Paris, 1889). Подписной лист на сбор средств на памятник Мечникову сохранил автографы многих русских революционеров, которые знали, уважали и любили Мечникова, в том числе Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода и других⁷².

В своей статье, посвященной памяти Мечникова, Плеханов назвал его «одним из самых замечательных и самых симпатичных представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература» ⁷³. «Лев Ильич был не только ученым,— продолжает Плеханов,— он был борцом, который умел с оружием в руках отстаивать дело свободы. Само собою понятно, что при современных русских условиях такой ученый должен был умереть изгнанником. (...) Забывать таких людей, как Лев Ильич Мечников, было бы совсем непростительно. Их безупречная жизнь наглядно показывает, как умели бороться и работать «люди шестидесятых годов» ⁷⁴.

Называя Мечникова «одним из самых замечательных и самых симпатичных» людей своего поколения, Плеханов, по-видимому, высказывал не только собственное мнение. Такая репутация установилась за Мечниковым в последние годы жизни среди тех, для кого он был живым свидетелем минувшей революционной эпохи.

М. Гродецкий писал о Мечникове: «Он постоянно горел, непрерывно носился с самыми разнообразными и разнородными проектами различных общественных и личных предприятий и болел душою за каждый из них. (...) Ему ничего не стоило оставить важный для него научный вопрос и заняться чьим-либо чужим делом, а затем нагонять потерянное, работая по ночам до изнурения. Способностью Мечникова живо откликаться на чужие запросы пользовались, между прочим, его домашние, когда желали отвлечь его на время от занятий и заставить отдохнуть. Тогда на сцену появлялись маленькие дети (внуки Мечникова)*, тащившие заработавшегося ученого на вольный воздух, в горы или на луг. Это было не только любопытное зрелище. Особенное чувство охватывало окружающих, наблюдавших, с каким добродушием этот пожилой серьезный человек подчинялся всем детским желаниям и капризам, несмотря на то, что возня с детьми всегда была для него утомительна» ⁷⁵.

Много лет спустя Н. В. Кончевская, несомненно исповедуя ту самую веру, носителем которой всю жизнь оставался Мечников, писала А. П. Чехову: «...я счастлива, потому что никогда не утрачивала смысла жизни и всегда находила, что пока есть кого-то любить — то и жить стоит, и глубоко убеждена, что интенсивная любовь к людям дает именно то счастье, которого никто и ничто отнять не может. (...) Самые счастливые люди и именно — *человечно* счастливые, которых мне приходилось встречать, были те, в которых надо всем остальным царила любовь к людям...» ⁷⁶.

«Он никогда не желал ничего наполовину,— писала в своих воспоминаниях жена Мечникова,— желание переходило в страстное увлечение, которое его охватывало всего, и он ценой жизни готов был купить его исполнение (...) Завтра для него не существовало, он весь отдавался настоящей минуте и жил в ней всецело. Он буквально ни одной минуты не мог остаться в бездействии. Его пожирала какая-то вечная лихорадка. У него всегда в кармане был карандаш и какой-нибудь лоскуток бумаги, на которой он рисовал, не случалось бумаги, он рисовал на газете, которую читал, на обложке книги. Живопись была его страстью. Вообще это была натура в высшей степени артистическая. Стихи ему давались очень легко. Даже в своих рассказах он был живописцем: перед вами вставали живые и яркие образы. От всех стран, в которых я сама не была и которые знаю только по его рассказам, у меня такое яркое представление, точно я сама все это видела. Речь его была блестящая, живая, остроумная и лилась совершенно свободно, никогда он не искал слов; о чем бы он ни говорил, в его распоряжении всегда был самый разнообразный и громадный запас выражений. Он был необыкновенно находчив, никогда нельзя было взять его врасплох, на всё и всегда у него был готов ответ. Память его была поразительна, он знал массу стихов, помнил то, что в детстве учил,— катехизис Филарета, целые страницы турецких и арабских текстов. (...) Ум его был глубокий, ясный, точный. Когда он развивал вам какую-нибудь идею—это была математическая формула, в которой ничего нельзя было ни прибавить, ни убавить; все держалось крепко; ни скачков, ни пробелов; все обусловлено предыдущим и логически вытекало из него. Способность систематизации в нем была замечательная. Читал он массу, и все это переваривалось и ассимилировалось; у него не было ненужных знаний и фак-

* Внучка была одна — дочь Н. В. Кончевской Ольга.

тов, которые бы без пользы мотались и сбивали с толку; всякий факт находил свое место, приурочивался к целому. <...>

Та бесконечная мягкость, которая всех к нему привлекала, явилась позже. Когда я его узнала, он подходил к людям во всеоружии, как будто ожидая в каждом встретить врага, готового нанести ему удар, и был всегда наготове, чтобы отразить этот удар. Я объясняю себе эту привычку быть вечно на осадном положении тем, что он тогда только что вышел из-под ферыулы всяких наставников и начальников. Все мы еще помним Россию в 50-х годах и знаем, что немного было из людей власть имущих таких, которые были способны признать и уважить в ребенке чувство собственного достоинства. Малейшая претензия на уважение личности, заявлявшаяся детьми или подчиненными, преследовалась как фанаберия и дерзость и считалась подлежащею искоренению. И понятно, что такая сенситива, как Лева, должен был стать в военные отношения с ними. Притом он был страшно вспыльчив, своей жизнью не дорожил и готов был броситься с ножом на человека за один взгляд, в котором бы ему почудилось намерение оскорбить его. <...> Еще одна характеристичная его черта — это какое-то безумное прожигание жизни. Он не жалел себя ни в работе, ни в наслаждении, ни даже в простом удовольствии, никогда и ни в чем»⁷⁷.

Сам Мечников остался на всю жизнь верен идеалам своей молодости, воспитанным в нем эпохой «Современника». «Я не возьмусь ни за что, ни за какое дело, которое не будет способствовать моему счастью или чьему-нибудь счастью, все равно», — писал он в 1863 г.⁷⁸ А в 1886 г. он мог повторить: «Мой идеал — сознательный работник, строящий свое благополучие в самом греховном и плотском смысле этого слова, на служении такому же благополучию всех людей»⁷⁹.

Между этими двумя высказываниями — вся жизнь, служащая им подтверждением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, в письме от 5 ноября 1881 г. к Шарлю Моннуару, генеральному секретарю Парижского Географического общества, Мечников перечисляет и аннотирует семь самых крупных своих работ только на французском языке, выпшедших до времени написания письма (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1, 2, 2 об.).

² См.: И. Ф. М а с а н о в. Словарь псевдонимов, т. IV. М., 1960, с. 311.

³ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 1—95, 199, 218—222. Надежда Владимировна Кончевская (1856—1930) была дочерью О. Р. Скарятинной и ее первого мужа В. Д. Скарятинна. Фамилию Кончевская (по первому браку) она сохранила и позднее, когда стала женой известного революционера-семидесятника Л. Э. Шипко.

⁴ ЦГАОР, ф. Д—3, оп. 1872, ед. хр. 573, л. 8 об., 10 об. (Справка о Л. И. Мечникове и других Мечниковых); ф. ДДП—3, оп. 1881, ед. хр. 37, л. 1—6 (Дело о возвращении из-за границы самовольно отлучившегося из России Льва Мечникова); ф. Д—3, оп. 1885, ед. хр. 537, л. 1—3 (О проживании в Кларане Мечникова); ф. ДПОО, оп. 1898, ед. хр. 377, л. 9—10 об., 86—89 об. (Материалы Департамента полиции о революционных связях и революционной деятельности Н. В. Кончевской за 1897 год); ф. Д—3, оп. 1904, ед. хр. 2236, л. 6—16 об. (Протокол № 2 допроса Н. В. Кончевской от 1 сентября 1898 г.).

⁵ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 213, л. 1—39.

⁶ «Русский вестник», 1861, № 9, 10, 11.

⁷ «Бакуни в Италии в 1864 году». — «Исторический вестник», 1897, № 3.

⁸ «Современник», 1863, № 11.

⁹ «Дело», 1882, № 2, с. 1—28.

¹⁰ Большой интерес в связи с этим представляет книга: З. М. П о т а п о в а. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX века. М., «Наука», 1973. Литературному творчеству Мечникова итальянский период уделено значительное место в главах 1 и 4.

¹¹ Сб. «Россия и Италия». М., «Наука», 1968, с. 167—185. Далее при ссылках на эту статью указывается в тексте только автор и страница.

¹² «Точка поворота». — «Колокол», л. 170, 1 сентября 1863 г. См. также публикацию Б. П. Козьмина: «Л. И. Мечников — Герцену и Огареву» (ЛН, т. 62, с. 389).

¹³ Там же, с. 390.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Дело», 1882, № 2, с. 3, 20. В Черногории после поражения в войне с Турцией 1862 г. и размещения в стране турецких гарнизонов не прекращались вспышки партизанской борьбы против поработителей.

¹⁶ ЛН, т. 62, с. 389.

¹⁷ «Современность», 1868, № 5, с. 78 (об этом журнале см. с. 464—466). Далее при ссылках на «Современность» в тексте указывается номер и страницы.

¹⁸ В архиве Мечникова сохранилось письмо-обращение Женевской секции пропаганды I Интернационала о сборе средств для помощи коммунарам и их семьям (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 38, л. 35).

¹⁹ ЦГАОР, ф. ДДП — 3, оп. 1881, ед. хр. 37, л. 3 об.

²⁰ ЛН, т. 62, с. 622.

²¹ См. письмо С. Я. Жеманова к Н. В. Кончевской, датируемое по содержанию 1888 г., после смерти Мечникова (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2—2 об.).

²² ЛН, т. 67, с. 704 (статья Б. П. Козьмина).

²³ «Русская периодическая печать. 1702—1894». М., 1959, с. 513.

²⁴ Здесь уместно вспомнить слова Герцена о том, что из «молодой эмиграции» «один Мечников умеет писать» (ЛН, т. 62, с. 390). Этот отзыв Герцена о способностях Мечникова дает основания думать, что Мечников был в издательской тройке ведущим.

²⁵ В. М. С п а с с к а я. Некролог Л. Ф. Маклаковой-Нелидовой (рукопись). — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 2, ед. хр. 5, л. 13.

²⁶ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1, 1 об., 2, 3, 3 об. Далее в тексте даются только ссылки на листы.

²⁷ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 20 (записная книжка № 3), л. 1, 1 об., 33—34 об.

²⁸ «Дело», 1882, № 2, с. 27.

²⁹ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 222, л. 2.

³⁰ Там же, ед. хр. 86, л. 1—15.

³¹ Г. В. П л е х а н о в. Соч., т. VII. М., 1925, с. 327—329 (см. также на с. 11 указание редакции о том, что принадлежность некролога Плеханову не установлена документально). Плеханову принадлежит статья: «О книге Л. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» («Социал-демократ», 1890, № 1).

³² ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 20 (записная кн. № 3), л. 1.

³³ Частично расшифрованное письмо опубликовано в работе: А. К. Л и ш и н а. Русский эмигрант о Толстом и толстовщине («Прометей», т. 2, М., 1967, с. 154—161).

³⁴ История подготовки этой статьи изложена Мечниковым в «Записках гарибальдийца» («Русский вестник», 1861, № 10, с. 431).

³⁵ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 22, л. 2. Часть документа опубликована в сб. «Россия и Италия» (с. 167—168).

³⁶ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 61, л. 1.

³⁷ Там же, ед. хр. 22, л. 3.

³⁸ Там же, ед. хр. 88, л. 12—12 об.

³⁹ М. Г р о д е ц к и й. Л. И. Мечников (биографический очерк). — В кн.: Л. И. М е ч н и к о в. Цивилизация и великие исторические реки. 2-е изд. СПб., 1899, с. 5.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 22, л. 6.

⁴¹ Там же, ед. хр. 88, л. 1—24; Н. П. А н ц и ф е р о в. Из переписки Герцена с О. Р. Скарятиной (ЛН, т. 63, с. 94—98).

⁴² Д. И. П и с а р е в. Соч., т. 4, 1955, с. 18.

⁴³ «Современник», 1863, № 11, с. 29 и 37.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 92, л. 8.

⁴⁵ «Дело», 1882, № 2, с. 3. Упоминание о быте степного помещика связано с тем, что Мечников вырос в степном поместье Панасовка, Купянского уезда Харьковской губернии.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 17, л. 6.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 74, л. 1—1 об.

⁴⁹ См.: Е. К у ш е в а. Эмигрантская брошюра «На смерть М. Л. Михайлова». — ЛН, т. 25-26, с. 593—605.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 81, л. 5.

⁵¹ ЛН, т. 25-26, с. 597.

⁵² ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 38, л. 17.

⁵³ Письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину, датируемое предположительно 1881—1883 гг. (ЛН, т. 13—14, с. 361—362).

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 84, лл. между 56 и 73. Выражаем благодарность востоковеду К. Гамазкову за составление справок о названных японских государственных и общественных деятелях:

Куки Рюити (Хосиядзакэ) родился в Сэтцу, в префектуре Хёго, в 1852 г. Он обучался в Кёйо гидзюку, предшественнике старейшего университета Японии Кёйо, а затем поступил на работу в Министерство просвещения. В 1884 г. в качестве министра просвещения Японии он был командирован в США. После возвращения оттуда он стал главным библиотекарем императорского двора, а затем начальником императорского музея. Впоследствии Куки Рюити основал императорскую Ассоциацию просвещения и стал главой объединения, созданного для охраны памятников старины Японии — древних пагод и храмов. *Иидзюка Осаму* (Сэйко) был поэтом и ученым, борцом за гражд-

данские права у себя на родине. *Имадзуми Юсаку* (Якэн) был ученым, сотрудником Дальневосточного музея изящных искусств в Париже, автором монографии по истории японской керамики, впоследствии директором Политехнической школы изящных искусств в Киото. *Танака Мицуаки* занимал должность секретаря посольства Ивакуры Томоми в Европе и в Америке.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. ДДП — 3, оп. 1881, ед. хр. 37, л. 1, 3 об.

⁵⁶ Э. Р е к л ю. Предисловие к третьему русскому изданию книги Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки». М., 1924, с. 25.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. ДДП, оп. 1881, ед. хр. 37, л. 5.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 17, л. 3.

⁵⁹ Там же, ед. хр. 17, л. 5. В этом пансионе Мечников преподавал русский язык, географию, историю и математику.

⁶⁰ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 2, ед. хр. 213, л. 2—2 об.

⁶¹ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1.

⁶² Там же, ед. хр. 94. Доклад на французском языке, напечатанный в бюллетене общества.

⁶³ Впоследствии за большую работу по изданию «Всемирной географии» Н. В. Кончевская была избрана членом Российского географического общества.

⁶⁴ ЦГАОР, ф. Д — 3, оп. 1904 г., ед. хр. 2236, л. 8 об.

⁶⁵ Там же, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 22, л. 4.

⁶⁶ См.: Г. В. П л е х а н о в. Соч., т. VII, с. 18.

⁶⁷ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 17, л. 7 (дорожный паспорт) и л. 11 (командировочное удостоверение).

⁶⁸ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 213, л. 22.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 35, л. 11, 12, 17, 23.

⁷⁰ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 213, л. 39.

⁷¹ Там же, л. 36.

⁷² См. примеч. 30.

⁷³ Г. В. П л е х а н о в. Соч., т. VII, с. 327.

⁷⁴ Там же, с. 329.

⁷⁵ М. Г р о д е ц к и й. Указ. статья, с. 15—16.

⁷⁶ Письмо от 11 апреля 1900 г. — ГБЛ, ф. 331. 48. 19. Сама Н. В. Кончевская, выросшая под большим влиянием Мечникова, была именно таким человеком. Недаром Е. П. Пешкова, вспоминая о годах ее первой эмиграции, назвала Надежду Владимировну своей второй матерью.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 88, л. 11—14 об.

⁷⁸ «Смелый шаг». — «Современник», 1863, № 11, с. 37.

⁷⁹ ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 20 (записная кн. № 3), л. 2 об., 3 об.

ПИСЬМА Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВА

(1873, 1880)

Григорий Евлампиевич *Благосветлов* (1824—1880) — публицист, член первой «Земли и воли», в 1860—1866 г. редактор журнала «Русское слово», в 1866—1880 гг. издатель и фактический руководитель журнала «Дело» (СПб., 1866—1888).

В 1870-е годы Благосветлов привлечен к участию в журнале значительную группу русских эмигрантов-революционеров. Постоянным сотрудником «Дела» становится и Мечников, впервые выступивший здесь в 1870 г. под псевдонимом «А. Денегри». Этим псевдонимом, варьируя его («Эм. Денегри», «Эмиль Денегри», «Э. Д.»), он пользовался до отъезда в Японию (одна из его статей имеет подпись «М»). С августа 1870 г. до февраля 1874 г. Мечников напечатал в «Деле» 9 статей (1870 — № 8, 10, 11; 1871 — № 2, 4 и 5, 10; 1872 — № 5 и 6, 12; 1873 — № 9; 1874 — № 2). В эти годы его статьи представляют собой обзоры современной западноевропейской литературы или «литературные этюды» об отдельных писателях (Ж. Занд, Э. Сю, В. Гюго, Ф. Гвераци).

По возвращении в Европу Мечников становится одним из самых активных сотрудников «Дела». С октября 1876 г. до конца 1880 г. почти в каждой книге журнала печатаются статьи, подписанные его собственным именем или псевдонимами («Н. Басардин», «Виктор Басардин», «В. Басардин», «М.», «Л. М. — В. Л.»). Всего за эти годы в «Деле» опубликовано 29 статей Мечникова (1876 — № 10—12; 1877 — № 2, 5, 6, 8, 10—12; 1878 — № 3—12; 1879 — № 1—12; 1880 — № 1—3, 5—12). Круг вопросов, которые в них затронуты, необычайно велик — Мечников выступает как автор литературно-критических статей и рецензий, политических обозрений, очерков по истории цивили-

зации, статей, посвященных проблемам современной экономики, социологии и психологии.

Несомненно, что столь активное сотрудничество повлекло за собой не менее активную переписку Мечникова с редактором «Дела». К сожалению, переписка эта почти не сохранилась: письма Мечникова Благосветлову неизвестны, а из писем Благосветлова к нему до нас дошло всего пять — за 1873 и 1880 гг. Письма эти характеризуют Благосветлова как руководителя одного из наиболее значительных демократических изданий 1870-х годов и прежде всего — те требования, которые он предъявлял сотрудникам литературно-критического отдела своего журнала.

Автографы публикуемых писем хранятся в архиве Мечникова (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 43).

1

«Петербург, 11 декабря 1873 г.»

Милостивый государь,

Редакции было бы приятно сохранить ваши добрые отношения к «Делу», тем более что, оставляя старую Европу с ее рутинной и предрассудками, вы отправляетесь в страну, начинающую новый период жизни. В Японии все пересоздается заново, пробуждение ее полное и особенно интересное для наблюдения европейца. Следовательно, говорить есть о чем.

На первый раз для «Дела» было бы хорошо дать общий обзор тех внутренних реформ, которые она совершила в последнее время. Подведенные к общему итогу и выясненные хорошо, они были бы назидательны для нас. Затем отношение Японии к Востоку могло бы составить предмет для другой работы. Во всяком случае, экономическое положение страны, дающее ключ к пониманию всех прошлых и текущих событий, по моему мнению, должно стоять на первом плане¹. Без него факты не поддаются обобщению.

Уведомьте, желаете ли вы иметь непосредственные отношения с редакцией «Дела» или, как прежде, через г. Чиколлини². И тот и другой способ сношений хорош, но в первом сообщите подробный ваш адрес.

Вторую статью об испанской литературе мы предназначаем для 2-й книжки «Дела» за 1874 год³. Теперь спешим помещением окончаний.

Уведомьте также, как и через кого передавать вам деньги.

Душевно желаю вам полного успеха в вашем предприятии.

Григ. Благосветлов

11 дек. 1873 г.

Письмо написано перед отъездом Мечникова в Японию. Благосветлов рассчитывает, что результатом поездки явится «общий обзор» экономических реформ, которые осуществила Япония в результате буржуазной революции 1868 г. Для журнала, одной из главных задач которого было обсуждение вопроса о капиталистическом характере пореформенного развития России, информация об экономических сдвигах в стране, едва вступившей на путь капитализма, представляла особый интерес: реформы, проведенные в Японии, могли быть, по мнению Благосветлова, «назидательны» и для России.

¹ Обзору реформ, явившихся следствием революции 1868 г. в Японии, Мечников посвятил две статьи: «Эра просвещения Японии (Мей-Дзи)» и «Эра японского просвещения (Мей-Дзи)» («Дело», 1876, № 10; 1877, № 2). Во второй статье он бегло коснулся вопроса об отношении Японии к странам Востока.

² Петербургский знакомый Мечникова.

³ В 1873—1874 гг. Мечников напечатал в «Деле» две статьи под общим заглавием «Очерки новой испанской литературы» (1873, № 9; 1874, № 2).

«Петербург. После 27 марта 1880 г.»

Многоуважаемый Лев Ильич,

Работая с вами постоянно вот уже 3 года и печатая ваши статьи в каждой книжке, я тем самым даю вам полнейшую уверенность в том, что в основаниях, в самой сути дела мы не расходимся. Напротив, ваши работы желательны, они всегда по своей идее поучительны и статьи ваши читаются. Следовательно, дело не в принципах, не в сущности, а в подробностях и мелочах. Остается порешить: имеют ли они какую-нибудь важность и стоит ли на них обращать какое-нибудь внимание? Очень стоит, отвечая я в силу моей долговременной опытности. Журнал, издаваемый не кабатчиком, а человеком, уважающим литературу, посвятившим ей все свои силы и жизнь, — такой журнал не может не относиться с полным уважением к себе. Его может распинать и опошлять грубая сила цензуры, — это понятно каждому, — но в крошечной сфере его независимого положения он должен дорожить всем; для него нет такой мелочи, которая бы не была важностью, тем более, что многим хорошим он уже невольно жертвует в пользу цензурного Ваала.

Я уже несколько раз писал вам, как дорожит редакция «Дела» литературной формой; вы сами знаете, что только хорошо написанная книга имеет право на успех, что только она читается с удовольствием. Это аксиома. Нет сомнения, что пошлая или подлая идея, изложенная блистательно, все-таки останется и пошлой, и подлой, но мы говорим об идеях другого порядка. Притом подлые идеи редко находят последователей в людях талантливых; они носят сами в себе и свою внутреннюю мерзость, и внешнюю гадость. Это почти так же верно, как $2 \times 2 = 4$. Но идея честная, благотворная и здоровая, выпускаемая в обращение между людьми, только тогда и делается общедоступной и популярной, т. е. не складывается в запасный чулан, когда выражается ясно, энергично и сама собою напрашивается на внимание читателя. Конечно, журнал не классический «Сборник избранных произведений» и, составляясь под впечатлением минуты, не может претендовать на особенную роскошь идей и изложения, но он — та монета, которая только под хорошим чеканом (гарре) может идти в люди, не возбуждая сомнений в подделке и фальсификации. Добролюбов и Писарев не бог знает как были богаты идеями, но их артистическое слово приковывало к ним массы читателей. Теперь позвольте, для примера, остановиться на вас: дайте более обработанную, более изящную форму вашим статьям, и у вас с руками бы их отняли для отдельного издания. Данченко — дрянь сравнительно с вами; у него ни образования, ни развития, ни определенных убеждений, но его статьи, печатаемые в журналах, потом расходятся тысячами в отдельных изданиях. Почему? Потому, что мастер писать ¹. Я привел бы вам целые десятки таких примеров.

Вы напрасно говорите, что *la plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a**. Вы не *la plus belle fille*, но вы обладаете той гибкостью ума и чувства, которая может дать гораздо больше, чем вы думаете. Только стоит поработать немного над собой, и этот труд окупится сторицей. Позвольте указать вам на те пункты, на которые следовало бы вам обратить особенное ваше внимание.

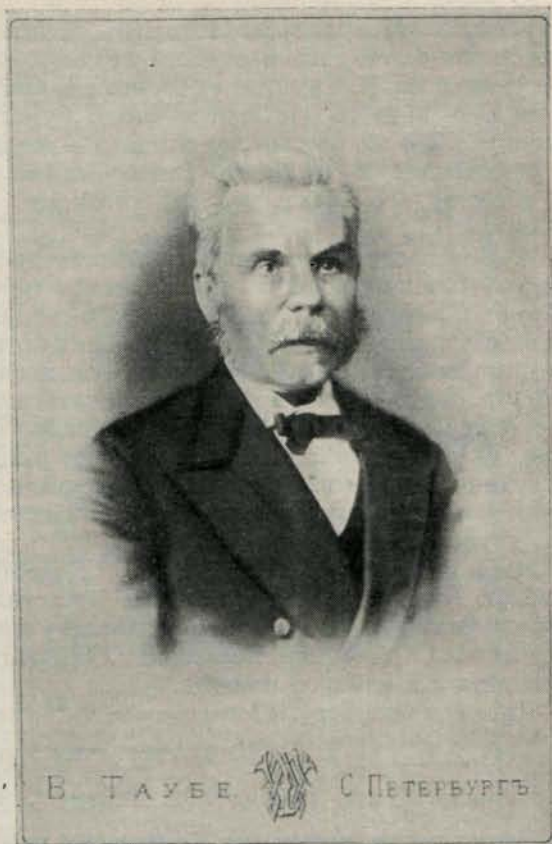
1. Вы спешите, не пересматривая ваших статей, не работая нисколько над тем, как бы лучше построить целый план статьи и отделать ее подробности ². Поэтому вы строго не выдерживаете основной идеи статьи, а отклоняетесь по сторонам и теряетесь в подробностях, иногда совершенно

* самая прекрасная девушка не может дать больше того, что она имеет (франц.).

Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВ

Фотография В. Таубе. Петербург,
начало 1870-х годов

Литературный музей, Москва



мешающих главной цели, главному выводу. Это ослабляет общий тон статьи и часто наводит на мысль, что сам автор не уяснил себе своей задачи, не составил определенного плана. Вот это-то и спутало вашу статью о Золя. В ней есть выражения, которые резко расходятся с тем же, о чем вы говорите дальше. Если вы помните вашу статью хорошо, то потрудитесь прочесть ее внимательно в мартовской книжке в несколько переделанном виде и подумайте, что именно в ней несколько фальшиво. Я совершенно с вами согласен, что Золя, гонимый за популярностью бульварного гения, предается эротизму, как старая проститутка, только ради того, чтобы ошарашить и привлечь толпу; я согласен и с тем, что он и протоколист плохой, но все это не то, с чего его можно взять под самое ребро. Он не реалист, если только реализм не есть балаган, не есть копия с уличных сцен и полицейский протокол. Реализм нашего времени опирается на ту или другую социальную или политическую идею, на изучение действительности не ради ее фотографии и простой бессмысленной группировки в образы поэта или публициста, а ради освещения ее лучшими идеями нашего времени, лучшими стремлениями нашего поколения. Пушкин наш был тоже реалист, но черт его возьми с его реальными описаниями гусарских попок и прижиманий горничных в темных коридорах. Вот почему вы не правы, говоря о *колодках реализма*; дело не в колодках, а в самом достоинстве этого поддельного реализма. Потому-то вы напрасно и нападаете на русский реализм: в нем много дряни, полное отсутствие творческого воображения, невыносимая скука, но его великая заслуга в том, что он привил к общественному сознанию сочувствие народу, его страданиям, он воспитал в *барине — человека*. Некрасов как поэт, с общечеловеческой мерки, не стоит

и гроша, но Некрасов как будитель новых чувств в нашем обществе, как печальник за бедного и слабого неизмеримо выше Пушкина. Поэтому-то я и указал на В. Гюго, на которого с таким остервенением набрасывается Золя³. У первого вы видите мысль, умственную и нравственную подкладку в его творчестве, у второго — политического подлека, без идей и убеждений. Если бы В. Гюго был во сто раз больше идеалистом, он все-таки, со всеми его недостатками, стоял бы неизмеримо выше Золя.

2. Вам следует выбросить из вашего *русского* весь ненужный балласт, все эти славянские *обретается, тщетно* (русское *напрасно* ничем не хуже *тщетно*), *показует* и т. п. Ведь все это совершенно ненужный сор. Хорошо бы вы сделали, если б оставляли с ваших статей снимки и потом сравнивали их с напечатанными уже статьями. Это послужило бы вам указанием, что надо бросить под стол и чего придерживаться. Если только сохранились мои корректуры статьи <о> Золя, то я прикажу выслать вам их, чтобы вы видели, какого каторжного труда требуют разные мелочи и неловкости в выражении идеи, чтобы сгладить их. Но уже цельность теряется, и часто мои поправки очень неудачны, потому что спешить и делаешь это между других двух дел.

Мы к празднику à *coûr de force* * должны выпустить 4-ю книжку. Это решено. Пасха русская 20 апреля ст. стиля, следовательно, 16 или 17 должна быть выпущена книжка. Поэтому прошу вас выслать статью, если пожелаете не опоздать, пораньше⁴. Относительно окончания о Золя можете дать и к майской книжке.

Примите мои советы à *coeur ouvert* **, как я их выражаю вам.

Жму вашу руку Григ. Б л а г о с в е т л о в

Книжки «Дела» посланы М. Мейеру⁵.

Датируется по содержанию: Благосветлов упоминает, как только что выпедшую, мартовскую книгу «Дела» за 1880 г. (ценз. разр. 27 марта) и просит прислать «пораньше» статьи для апрельского номера, который предполагает выпустить 16—17 апреля.

Статья Мечникова «Новейший нана-турализм» («Дело», 1880, № 3 и 5) посвящена критике «натурализма» и теории «экспериментального романа» Э. Золя. Поводом для ее написания послужил роман «Нана», опубликованный зимой 1879—1880 гг. во французском журнале «*Voltaire*». Роман стал причиной резкого падения авторитета Золя в глазах русского демократического читателя. Статья Мечникова была первой среди вызванных этим романом выступлений критиков-демократов, защищавших «истинный реализм» против «поддельного реализма» Золя (ср.: Н. М и х а й л о в с к и й. Нана. Роман в двух частях Эмиля Золя <...> — *ОЗ*, 1880, № 5; С. Т е м л и н с к и й. Золаизм в России. М., 1880; М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом, гл. VI. — *ОЗ*, 1881, № 1).

Придавая этой статье программное значение, Благосветлов позволил себе (или просил автора) внести в нее некоторые принципиальные положения, которые получили развитие в заключительной главе статьи («Дело», 1880, № 5 — см. ниже, примеч. 3).

То, что Благосветлов обсуждает как уже известный автору факт исправления в еще ненапечатанной части, позволяет сделать некоторые предположения об истории публикации статьи Мечникова. По-видимому, полный текст ее был получен в марте 1880 г. Понимая, насколько актуальна эта статья, Благосветлов поспешил опубликовать ее начало в ближайшей — мартовской — книге «Дела». На согласование с автором поправок, сделанных в этой части, времени уже не было, но окончание статьи, отложенное до следующего номера, Благосветлов вернул Мечникову со своими исправлениями и пожеланиями. Ответом явилось не дошедшее до нас письмо, в котором Мечников выражал сомнения в своей пригодности к сотрудничеству в «Деле»; на это и отвечал Благосветлов публикуемым письмом. В результате Мечников переработал статью в соответствии с его указаниями. По-видимому, именно эта новая редакция позднее вызвала восторженную оценку Благосветлова (см. п. 4).

* силою обстоятельств (*франц.*).

** по-доброму; *букв.*: с открытым сердцем (*франц.*).

¹ Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1848—1936) — популярный в конце XIX в. беллетрист, автор многочисленных романов, повестей и рассказов, составивших 18-томное собрание его сочинений (М., 1912—1915). В 1879 г. в «Деле» (№ 2) была напечатана анонимная рецензия на его роман «Гроза», иронический тон которой перекликается с характеристикой Немировича в письме Благодетелю; возможно, что он был автором этой рецензии.

² Об особенностях работы Мечникова см. в его автобиографической заметке «Встречное и поперечное», а также воспоминания О. Р. Мечниковой (наст. том, с. 467—468).

³ В 1875—1880 гг. Золя печатал в «Вестнике Европы» «Парижские письма» и среди них — статьи, посвященные обоснованию теории «натурализма». Одно из основных положений его теории — объективность: писатель «должен строго держаться фактов», он «хранит про себя свое волнение», ибо «романист, негодующий на порок и рукоплещущий добродетели, портит собранные им документы». С этой точки зрения Золя подверг уничтожающей критике субъективность писателей-романтиков и в первую очередь — вождя романтизма Гюго. В глазах Золя Гюго — всего лишь «великий ритор», гражданский пафос которого лишает его произведения объективной ценности («Парижские письма. XXIII. Виктор Гюго и его «Légende des siècles». — «Вестник Европы», 1877, № 4). Благодетель считал выступление Золя против Гюго убедительным доказательством несостоятельности его теории. В этом духе и была перестроена завершающая глава статьи Мечникова в ее окончательной редакции: мысль о «колодах реализма», в которые заключает себя Золя, уступила место размышлениям о принципах «подлинного реализма», сильного своей связью с «лучшими идеями нашего времени», глубоко «выстраданной правдой и сочувствием к народным скорбям»; статью завершает развернутое противопоставление «чистоты и гуманности воззрений» Гюго отсутствию «идей и убеждений» у Золя, его проповеди «умышленной бессодержательности» («Дело», 1880, № 5, с. 104—106).

⁴ Четвертая книга «Дела» вышла без участия Мечникова; его статьи, предназначенные для нее («Переворот в Египте» и «Хлебный вопрос в Америке и Европе»), вошли в пятый номер (см. п. 3).

⁵ Лицо неустановленное.

3

«Петербург, середина апреля 1880 г.»

Многоуважаемый Лев Ильич,

Если вы не усмотрите в 4-й кн. ни одной вашей статьи, то не припишите этого нежеланию напечатать «Хлебный вопрос». Он набран, а «Переворот в Египте» даже прошел цензуру и совсем готов к печати, но и то, и другое отложено до майской книжки благодаря двум статьям, которые, по разным обстоятельствам, чисто-филантропическим, впрочем, должны были войти в 4-ю книжку. Они-то и отбили место у «Хлебного вопроса».

Но в следующих книжках это вознаградится. Окончание о Золя непременно надо напечатать в майской книжке, а то первая статья забудется. Его, т. е. окончание о Золя, пожалуйста, вышлите.

Чтобы не нарушать вашего домашнего бюджета, на праздниках вышлю вам 100 р.

Позвольте, кстати, исправить маленькую ошибку, вкравшуюся в моем расчете, сделанном в прошлом письме. Я по ошибке сосчитал запись в редакционной книге за прошлый год, приняв его за нынешний. Разница, впрочем, пустая. Я сосчитал вам, что из 300 р. погашено 226 р. 25 к., а между тем — только 206 р. 50 к. Следовательно, остается долгу не 73 р. 75 к., а 93 р. 50 к.

Для пояснения прилагаю на обороте общий счет за весь год — 1879 ¹. Будьте благополучны

Гр. Б л а г о с в е т л о в

Датируется по содержанию: четвертая книга «Дела» за 1880 г., в составе которой прошла цензуру упоминаемая статья Мечникова, была разрешена 16 апреля.

¹ На обороте — гонорарные расчеты, из которых следует, что общий объем статей Мечникова, напечатанных в «Деле» с января 1879 г. по март 1880 г., составляет 42,5 печатных листа.

«Петербург» 7/19 мая 1880 г.

Многоуважаемый Лев Ильич, только что пробежал в корректуре окончание «Нана-турализма». От души благодарю вас за него. Это такая статья, какой я лучше никогда не пожелал бы для «Дела». Прекрасная форма, верность взгляда, огонь публициста — все в ней есть и всего в ней в меру. И вы говорите, что вы не публицист! Это ваша клевета на самого себя. Вы подавили эту струйку в себе, и, если я не ослеп до куриной слепоты, то положительно утверждаю, что эта струйка — ваша сила, ваш нерв, ваше существо, — только откройте ее в себе и заставьте бить живым ключом. Напишите вы несколько таких статей, и вас будут читать нарасхват; а я каждые 10 листов таких статей буду продавать нашим издателям по 250—300 р. в вашу пользу. Вероятно, летом увидимся, и я потолкую с вами подробно ¹. Еще раз благодарю вас за последнюю статью.

Драгоманову передайте, что я охотно приму его статьи, только боюсь, как бы волнения немецких студентов не истолковала наша проницательная цензура за аналогию непозволительного свойства. Статья о кооперативном движении в Англии совершенно безопасна ².

Что же касается рецензий, то я подумаю об этом и напишу особо ³.

Жена и мальчики шлют вам самые сердечные поздравления и вас, и Ольги Ростиславовны с праздником.

Кончайте поскорее вашу «Японию» и отдохните ⁴.

В майской книжке печатаются ваши три статьи ⁵.

Жму вам руку крепко.

Григ. Благосветлов

¹ Летом 1880 г. Благосветлов приезжал в Женеву и виделся с Мечниковым (см. п. 5).

² По-видимому, М. П. Драгоманов предложил «Делу» статью о студенческих волнениях 1878 г. в Германии. Благосветлова беспокоила возможность нежелательных ассоциаций у цензора: рубеж 1880-х годов был отмечен в России подъемом студенческого движения, связанным с подготовкой нового университетского устава. Ни эта, ни другая статья, предложенная Драгомановым (о кооперативном движении в Англии), в «Деле» за 1880 г. не появились.

³ По-видимому, и здесь речь идет о предложении Драгоманова. Однако рецензии, подписанные его именем или одним из его известных псевдонимов, в «Деле» за 1880 г. не появились.

⁴ О книге Мечникова «Японская империя» см. наст. том, с. 472.

⁵ См. п. 3.

«Гомбург. Июль 1880 г.»

Многоуважаемый Лев Ильич,

Благодарю вас за ваше ходатайство перед Катцем. Часы я получил и очень жалею, что поднял пустую тревогу. Дело в том, что я давно уже знаком с немецкой глупостью, но все-таки не знал ее вполне. Отправить часы в таможеню и молчать, что они там лежат, — это было верхом немецкого дурачества. Совершенно случайно я узнал об этом, и когда дамские часы, которые весят не более 12 золотников, положили на весы, на которых прикидывают стопудовые ящики, то оказалось, что их весить нельзя и следовало отправить прямо на почту. Вот в чем — вся история, возбудившая во мне сомнение в добродетелях женевского еврея ¹.

Шелгунов извещает меня, что статья ваша «Социологические заметки» отдана в набор, следовательно, она готовится в 7-ю книжку; о «Шелли» он ничего не пишет, да и трудно ему знать вслед за выходом книжки полный состав следующего номера ². Вероятно, я уведомя вас уже из Харькова. Но если женевская температура не мешает вам творить, то продолжайте и «Шелли» — он будет напечатан.

«ДЕЛО», 1880, № 9

В этом номере напечатана статья
Д. И. Мечникова «Перси Биши
Шелли» (под псевдонимом
«В. Басардин»)
Обложка



Мысль ваша о Монтене — счастливая мысль; но он будет сух сам по себе, если вы не оросите его характеристикой его времени и общества вообще. О д'Аламбере было и в «Деле». После Золя не мешало бы поговорить и о Доде; он, конечно, приличнее Золя, но, в сущности, того же поля ягоды. Это было бы и ново, и интересно. Кроме того, у нас, то есть в русской журналистике, ничего не было о Теккерее; но я не знаю, насколько трудно собрать о нем хорошие материалы. Кажется, у немцев о нем говорилось и больше, и лучше, чем у самих англичан³.

У Драгоманова я был перед самым отъездом из Женевы и толковал с ним о научной хронике; но прошу вас передать ему при свидании, что дать ему из Гомбурга положительный ответ не могу, потому что не получил на этот счет уведомления от Ткачева, а между тем сегодня в 5 часов оставляю Гомбург и прямо в родные болота! Следовательно, уведомлю о научной хронике Михаила Петровича уже из Петербурга. Деньги ему уже на пути.

И Кравчинскому идут 50 р., которые тоже получатся дня через 2 или 3. Но я боюсь, что он надавал мне и письменно, и лично так много обещаний, что я, с своей стороны, не ругаюсь даже запомнить их все. Если «Рисовые поля» не будут посланы немедленно, то пусть и не высылают их; до октябрьской или ноябрьской книжки протянется другой роман⁵.

Я попрошу вас очень — взять от Тюдикума⁶ небольшой ящик, но не ранее, как уведомлю вас об этом. Вы сделаете мне большое одолжение, если приютите его на несколько дней у себя, когда вернетесь с дачи, а я тем временем, может быть, найду кого-нибудь из знакомых, едущих в Женеву, чтобы захватить с собой что-нибудь из его содержимого.

Оба мы очень жалеем, что заехали в Гомбург. Здесь и сыро, и холодно, а в Харькове, пишут нам, — жарко. На этот раз мы променяли соловья на

кукушку. Обоим нам как-то не по себе, может быть, потому, что уже <очень> большой груз оставлен за спиной. Оба мы уж слишком чадолюбивы и мнительны.

Жена посылает вам, Ольге Ростиславовне и Надежде Владимировне свой искренний поклон. Поклонитесь и от меня.

Жму вашу руку крепко и до свидания!

Григор. Благосветлов

Зайцев утверждал, что русские жандармы были причиной его сердцбиения; я чувствую что-то похожее на правду, когда собираюсь переступить родную границу.

Датируется по упоминанию о подготовке к печати статьи Мечникова «Социологические этюды» («Дело», 1880, № 7, ценз. разр. 26 июля).

¹ Подробности этого дорожного инцидента неизвестны.

² Н. В. Шелгунов был ближайшим сотрудником Благосветлова и в его отсутствие оставался в качестве редактора. Статью Мечникова «Перси Биши Шелли» см.: «Дело», 1880, № 9 и 10.

³ Статьи Мечникова о Монтене и д'Аламбере в «Деле» не появлялись. Не были осуществлены и предложения Благосветлова.

⁴ В 1880 г. рубрику «Открытые вопросы науки» вел А. Москвин (псевдоним А. Л. Эльсница — см. о нем с. 499). С июня 1880 г. в «Деле» появилась рубрика «Научные и литературные новости» (№ 6, 9) за подписью «Жане». Возможно, «Жане» — псевдоним Драгоманова (это подтверждается сообщением, что ему посланы деньги).

⁵ «Рисовые поля» — роман итальянской писательницы Марии Торелли-Ториани (псевдоним «Маркиза Коломби»); напечатан («Дело», 1880, № 8, 9) без указания имени переводчика.

⁶ Тюдикум — владелец швейцарского пансиона, где учились сыновья Благосветлова.

ПИСЬМА К. М. СТАНЮКОВИЧА

1882—1884

Константин Михайлович Станюкович (1843—1903) — известный писатель и публицист, с 1872 г. один из ведущих сотрудников журнала «Дело». После смерти Г. Е. Благосветлова играл активную роль в руководстве журналом, официальным редактором которого с марта 1881 г. стал Н. В. Шелгунов.

В 1882 г. участие в «Деле» эмигрантов-народников, привлеченных Шелгуновым, послужило поводом к его аресту и последующему отстранению от должности редактора. В том же году владелица журнала Е. А. Благосветлова ходатайствовала об утверждении Станюковича официальным редактором. Ходатайство это было отклонено, поскольку Департамент полиции охарактеризовал его как «личность противоправительственного направления» (поводом для такой характеристики были связи Станюковича с революционной эмиграцией). Этот отказ вынудил Станюковича пойти на приобретение прав на издание журнала, и в декабре 1883 г. он стал полным владельцем «Дела». Роль Станюковича в руководстве «Делом» после смерти Благосветлова, обстоятельства приобретения им прав собственности на это издание, а также деятельность его как издателя освещены в книге: В. П. Вильчинский. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 199—213.

Под руководством Станюковича «Дело» остается одним из ведущих органов демократической печати. Как видно из публикуемых ниже писем его к Мечникову, «первым и настоящим вопросом на очереди» новый издатель считает «вопрос политический», т.е. завоевание «хоть каких-нибудь человеческих прав», ибо «без решения политического вопроса немислимо решение других». В таком духе, по мнению Станюковича, следует вести каждый прогрессивный орган печати.

Одну из задач «Дела» Станюкович видел в материальной поддержке сосланных или эмигрировавших публицистов — таких, как П. Л. Лавров, В. В. Берви-Флеровский, Н. Ф. Анненский, С. М. Степняк-Кравчинский, П. Н. Ткачев, Г. В. Пле-

ханов, Л. А. Тихомиров (И. Кольцов), Л. И. Мечников и др., — эту задачу он подчеркивает в одном из публикуемых писем. Такую линию, принятую еще Благосветловым и продолженную Шелгуновым, линию, которую можно назвать негласной традицией русской демократической журналистики, Станюкович выдерживал твердо и последовательно.

Что же касается литературного отдела, Станюкович и Шелгунов, негласно участвовавший в руководстве журналом, заметно изменили профиль «Дела». Оба они были недовольны уступками нетребовательному вкусу, которые делал Благосветлов в погоне за подписчиком, — показательно в этом отношении письмо Станюковича Мечникову от 28 апреля 1883 г.

Изменение литературного курса привело к некоторому падению подписки. Но у Станюковича были, по-видимому, все основания ожидать, что журнал переживет этот временный кризис. Однако в апреле 1884 г. он был вызван из-за границы, где лечился, в Петербург. Там он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и затем сослан. Предлогом для ареста и ссылки послужили связи Станюковича с эмигрантами и ссыльными литераторами. С арестом Станюковича «Дело» как демократический журнал перестало существовать и резко изменило свое направление с приходом нового редактора.

Публикуемые письма Станюковича к Мечникову охватывают период с мая 1882 г. по январь 1884 г. и свидетельствуют о тесной связи между петербургским редактором и его швейцарским сотрудником. Судя по этим письмам, Станюкович высоко ценил Мечникова как публициста и очень считался с его мнением, видя в нем не просто единомышленника, но человека, способного мыслить широко и объективно.

Из писем Станюковича видно, насколько был труден путь, избранный русскими журналистами революционно-демократического лагеря. Мечников, например, писал свои блестящие литературные обзоры, живя в швейцарской деревушке Кларан, не имея под рукой ни библиотеки, чтобы брать книги, ни средств, чтобы их покупать. В таком положении работали и многие его коллеги. Издатели же «Дела» продолжали свою линию в руководстве журналом, несмотря ни на какие цензурные трудности, зная, что рано или поздно им придется поплатиться за это. Вся их деятельность была тяжелой каждодневной борьбой за существование русской демократической печати, сознательное подвижничество русской демократической интеллигенции.

Переписка Станюковича с Мечниковым почти полностью утеряна. Все, что от нее сохранилось, — это четыре письма, публикуемые нами по автографам из архива Мечникова (ЦГАОР, ф. 6753, оп. 1, ед. хр. 73).

1

СПб., Спасская, 16, кв. 31 <18>82, V, 22

Многоуважаемый Лев Ильич,

Опять хлопоты мои не увенчались успехом. Цензор не пропускает «Очерков мистицизма» на июньскую книжку. Просит повременить¹.

Могу заверить вас, Лев Ильич, что я принимаю близко к сердцу интересы авторов не пропускаемых статей, но чем же виноват я, если, несмотря на хлопоты, статья не пропускается? Полагаю, было бы удобнее для вас и для нас, если бы вы предупреждали о темах...

Затем, Лев Ильич, позвольте сказать несколько слов в ответ на письмо ваше от 10/22 мая и оправдаться от упреков — упреков едва ли справедливых и заслуженных мною.

Вы, между прочим, пишете, что я до сих пор не дал вам, как и Шелгунов ранее, категорического ответа на вопрос ваш: «расчетливо ли с вашей стороны посвящать небольшое количество свободных часов в день работе для русских журналов?» Мне кажется, вы ошибаетесь, Лев Ильич. Я давал этот ответ не раз в моих письмах заявлением, что вашим статьям

мы будем всегда рады. Какой же другой, более категорический ответ мог я дать вам?

Сообщая о том, что статьи ваши желательны, я вполне рассчитываю, что вам хорошо известны условия относительно возможности уделять место статьям постоянных наших сотрудников. Журнал, как я и писал вам, выходит в количестве 28 листов (я принужден был сократить на 2 листа, чтобы справиться в этом году с бюджетом); исключая беллетристику (около 15 листов) и текущие отделы (около 8 листов), у нас для статей, так называемых «серьезных», остается около 5 листов. Постоянных же сотрудников, пишущих такие статьи, пять человек ². Я не говорю уже о случайных статьях, иногда выдающихся и заслуживающих помещения. Решайте сами, Лев Ильич, как тут быть, чтобы избежать нареканий? Ведь и Шашков, и Берви, и Никитин тоже были старыми сотрудниками «Дела» и, кажется мне, могут рассчитывать на помещение своих статей. Миртов тоже нуждается в работе...

Материальное положение этих лиц находится в непосредственной зависимости от сбыта статей. Шашков в параличе; Берви в ссылке и принужден жить с четырьмя детьми в двух маленьких комнатах. Никитин и Миртов тоже бедствуют.

Вы пишете, Лев Ильич, что ваших статей лежит в редакциях на 2000 франков. Честное слово даю вам, что статей Шашкова по крайней мере на 10 тысяч франков. Половина из них запрещена, а половина лежит, и когда статьи эти пойдут, бог знает. Берви тоже прислал немало статей, но что же мне делать, научите бога ради!

Я считаю, что единственный справедливый выход в соблюдении очереди, то есть, чтобы каждый из старых наших сотрудников мог рассчитывать на помещение своих статей по мере их поступления. То же самое я всегда говорил Шелгунову. Так рассчитываю я поступать и теперь. Было бы, разумеется, очень желательно, чтобы каждый из постоянных сотрудников мог рассчитывать на помещение своих статей ежемесячно, но ведь тогда надо выпускать книжки по крайней мере в 32 листа, не говоря уже о том, что статьи Анненского (в ссылке и бедствует), Кольцова и других никогда бы не могли появляться в «Деле» ³.

Я очень хорошо понимаю, Лев Ильич, как неприятны неудачи с романом ⁴ и «Очерками мистицизма», но ведь все мы, пишущие в русских журналах, находимся всегда под страхом таких неудач. У нас в редакции много непропущенных статей. Я, например, очень часто пишу фельетоны в двойном размере, оставляя половину на цензорские пометки и, таким образом, заранее себя обрекаю на напрасный труд. Это одно из удовольствий работы в подцензурном издании. Впрочем, и в бесцензурных не лучше.

Вы пишете еще, что в этом году помещена только одна ваша повесть ⁵. Совершенно верно. Но, кроме повести, я имел в этом году только роман и «Очерки». «Очерки» были назначены в майскую книжку и не пропущены. Что же касается до начала вашего романа, то вы знаете о моих хлопотах. Чем же виноват я, что они были безуспешны?

Мне кажется, я даже уверен, что не дал вам, Лев Ильич, ни малейшего повода считать мои отношения к вам в каком-либо отношении недоброжелательными, а между тем из письма вашего, к сожалению, явствует, как будто вы упрекаете меня. Это обидно, Лев Ильич, и тем более обидно, что несправедливо.

Нечего, само собою, говорить и о том, что как я не решился бы предложить вам «литературного» сотрудничества, так точно и вы не приняли бы его. Мы оба слишком хорошо знаем, что журнал не филантропическое заведение. Еще на днях пришлось возвратить Берви статью, как ни тяжело было это делать, зная его материальные условия. Статья — сухая, длинная, совсем нежурнальная. Место ей в сборнике каком-нибудь, а не в жур-

нале для публики, требующей (и совершенно резонно) популярных статей, а не трактатов, которые остались бы неразрезанными. Когда я несколько раз писал вам, Лев Ильич, что статьи ваши желательны, то, разумеется, я имел в виду лишь пользу журнала, так как привык относиться к вашим журнальным работам, как читатель, с большим уважением. Если бы я думал иначе, то при всем личном моем уважении к вам, я не согласился бы высказать свое мнение по моему крайнему разумению, так как я привык в журнальных отношениях руководствоваться не добрыми отношениями и не личным знакомством или личной неприязнью. Александр Леонтьевич⁶ может засвидетельствовать вам, сколько пропало даром переводов у наших переводчиков, и я уверен, они за это не сердятся и не смеют сердиться на меня, если сколько-нибудь уважают меня.

Еще раз повторяю, многоуважаемый Лев Ильич, то, что вы, казалось бы, должны давно знать: сотрудничество ваше желательно, и статьи ваши найдут всегда радушный прием. Об этом нечего и говорить, но в то же время я должен просить вас, Лев Ильич, не быть в претензии, если статьи ваши не будут появляться в каждой книжке. При всем желании это невозможно. Пришлось бы отнимать место у других старых работников «Дела» и совсем закрыть двери для молодых сил, как Кольцов и другие, — как делал покойный Благосветлов. И еще просьба: не давайте, по возможности, очень длинных статей, которые бы пришлось разбивать на несколько книжек. Это затруднительно, тем более, что поневоле придется их прерывать и печатать через книжку, а этого читатель не любит. Разумеется, я говорю относительно. Бывают исследования и крайне интересные, которые не могут быть исчерпаны в двух-трех статьях.

В заключение мне остается просить вас, Лев Ильич, не сердиться за некоторую, быть может, резкость этого оправдания. По совести говоря, я не считаю себя виноватым, и мне было крайне обидно получить от вас, именно от вас, упреки...

Впрочем, довольно... Как ни жаль, что не удастся лично с вами поговорить, я все-таки надеюсь, что мы и в письмах поговоримся и что вы не будете иметь более причин жаловаться на «цесаризм» «Дела»...

По крайнему моему убеждению, первый и настоящий вопрос на очереди — вопрос политический. Сперва надо добиваться хоть каких-нибудь человеческих прав, а потом уже идти далее. В таком духе, мне кажется, должен вестись каждый приличный орган печати. Без решения политического вопроса немислимо решение других.

Роман ваш отправлен в редакцию «Русской мысли». Надеюсь получить оттуда ответ в скором времени (хоть редакция там и ленивая), так как комиссионером будет одна моя знакомая, Некрасова, сотрудница «Русской мысли». Ее хорошо знает и Александр Леонтьевич.

Жаль, что не придется побывать в ваших злых местах. Шелгунов болен и уехал в отпуск на 2 месяца. Бажин тоже похварывает. Жена моя все еще не поправляется, но надеюсь, что болезнь ее кончится месяца через полтора или два.

Все мы шлем привет вашей супруге и вам. Крепко жму вашу руку, Лев Ильич.

Искренне уважающий вас

К. Станюкович

Р. S. Присылайте что-нибудь. Ведь бог знает этого цензора. Быть может, и в июле он попросит «повременить» с «Очерками».

¹ Статья Мечникова под таким заглавием в «Деле» не появлялась.

² Далее Станюкович называет четырех из этих пяти сотрудников (пятым был Мечников). Серафим Серафимович *Шашков* (1841—1882) — публицист, с 1867 г. один из ведущих публицистов «Дела» (печатался под своим именем и под псевдонимами: «Н. С.», «С. С. Ш.», «С. Ш.», «Серафими», «С. Ставрин», «С. Ш.-в.»); с 1874 г. находился

в ссылке, последние 10 лет был тяжело болен, сильно нуждался. Василий Васильевич *Береи* (1829—1918) — публицист-социолог, в 1867—1882 гг. печатался (с перерывами) в «Деле» под псевдонимами: «Навалихин», «Н. Ф-ий», «Флеровский», «Земец». Никитин — Петр Никитич *Ткачев* (1844—1885) — революционер-народник, публицист и литературный критик; с 1869 г. был одним из основных сотрудников «Дела», печатался под псевдонимами (главный из них — «Никитин»; другие: «Все тот же», «Гл-и», «Гра-ли», «Гр-ли», «Гр-оли», «Грачиоли», «Нионов», «П. Н.», «П. Т.», «По поручению все того же», «Постный», «N»); с 1873 г. жил в эмиграции, в 1882 г. из-за болезни прекратил литературную деятельность. *Миртов* — П. Л. Лавров (см. о нем наст. том, с. 508—601); в 1871—1881 гг. был постоянным сотрудником «Дела» (псевдонимы: «Миртов», «Л. Кедров», «П.», «П. Л.», «П. У.», «П. Э.», «П. П-ский», «П. Стоик», «Л. У-в», «П. У-ов», «П. Угрюмов»); с 1873 г. жил в эмиграции.

³ Николай Федорович *Анненский* (1843—1912) — экономист и публицист, деятель народнического движения; в 1880—1883 гг. был в административной ссылке; в 1881 г. Станюкович привлек его в «Дело», где он печатался под своим именем. «Кольцов» — Лев Александрович *Тихомиров* (1852—1923) — публицист, один из руководителей партии «Народная воля», после ее разгрома (1883) эмигрировал; в 1881—1884 гг. был одним из самых активных сотрудников «Дела» (псевдонимы: «И. Кольцов», а также «К. М. Григорьев», «И. К.», «И. Х.», «И. К-в», «К-ъ»).

⁴ Этот роман неизвестен. Ни в «Деле», ни в «Русской мысли», куда послал его Станюкович, он не был напечатан.

⁵ Очерк Мечникова из жизни русской эмиграции «На всемирном поприще» см.: «Дело», 1882, № 2, 3.

⁶ Об А. Л. Эльснице см. наст. том, с. 499.

2

<18>83.IV.28

«Пассаж», о котором вы сокрушались, многоуважаемый Лев Ильич, свершился. Запродажная запись подписана. Условия покупки далеко не выгодные, но обстоятельства так сложились — о них я писал Александру Леонтьевичу — что другого исхода не было. Журнал куплен за 50.000, из коих 30.000 «вдова» получила в виде задатка; остальные 20.000 она получит в два срока: в январе 1884 и в январе 85 г. По условию запродажной записи, через две недели после выхода декабрьской книжки настоящего года Благосветлова обязана совершить продажный акт, рискуя в противном случае возвратить мне задаточные деньги и сверх того уплатить неустойку 30 000.

Сокрушаться поздно. Я знал и знаю, что будет трудно (особенно в настоящем году), и заручился кредитом типографии и бумаги; кроме того, нашлись люди, ссудившие деньгами. Придется еще долго путаться в долгах, если подписка не увеличится, а если еще уменьшится — и того больше, но я рассчитываю, что не все же будет такая глухая пора и, наконец, не должно же быть дальнейшего усиленного падения подписки.

Вы знаете, вероятно, что в нынешнем году подписка значительно упала. Теперь 3 400 подписчиков: следовательно, к концу года можно рассчитывать на 3 500—3 550, не более. В прошлом году было 4 100. В позапрошлом 5 000.

Помимо общих причин — безденежья и неуверенности в прочности журналов, выразившихся в этом году общим понижением подписки во всех изданиях, — главная причина падения подписки в «Деле», мне кажется, кроется в перемене тона журнала за последнее время. По крайней мере, я вижу, что многие старые подписчики уходят; на смену им являются новые, но, разумеется, не в таком количестве. Словом, у нас совершается перемена «подписчика», и журнал переживает переходное время.

Говоря беспристрастно, я полагаю, что теперешнему «Делу» нечего конфузиться перед прежним. Напротив! Вы, вероятно, заметили, Лев Ильич, что мы избегаем старой благосветловской ругани, того хлыщества, восхищавшего гимназистов и с кондачка решавшего сложнейшие вопросы науки и жизни на основании двух, трех прочитанных книжек, — которым, если вы припомните, щеголяло прежде «Дело»; мы не даем буль-

варных и кроважанных романов, вроде «Тайн Бальды»¹ и тому подобных, вследствие чего и происходит, мне кажется, бегство старого подписчика. Зато новый является с более широким читательским цензом, а старый недоволен. Недавно один из таких жаловался мне на журнал так: «Прежде, — говорил он, — *«Дело» отделяет*, так отделяет — прелесть, а нынче не то... и романы не такие любопытные...»

Подобные отзывы не единичны. Немало писем получается редакцией, в которых жалуются на серьезность (у нас-то!) и на недостаток площадных романов. Я заинтересовался контингентом наших прежних подписчиков и пришел в ужас! Последнее время, при Благосветлове, читательский уровень подписчиков, судя по их профессиям, был очень низмен!

Несомненно, что Григорий Евлампиевич знал свою публику и, к сожалению, под конец своей деятельности даже угождал нетребовательным ее вкусу. Я помню, как однажды на мой вопрос: «Как не стыдно *«Делу»* печатать статьи, отрицающие в графе Л. Толстом даже талант», — Благосветлов ответил, что делает это ради «цвета», ради «оригинальности»². Само собой разумеется, что ни вы, ни я никогда не подумали бы о такой оригинальности и о *таком* успехе... Уж тогда логичнее было бы прямо издавать сборники похабных романов!

Все это припомнил я, чтобы уяснить причины падения подписки. Ведь уж не так же скверно ведется журнал, чтобы объяснить падение неумелостью! Очень было бы приятно, Лев Ильич, знать ваше мнение по этому поводу, мнение беспристрастное, чуждое боязни оскорбить самолюбие. Слава богу, я не болею самообольщением и первый неудовлетворен *«Делом»*. Разве таким должен быть журнал?

Я знаю, что оригинальная беллетристика плоха (но где она хороша?), что нередко наши статьи не могут удовлетворить серьезного читателя и в то же время не по плечу любителям *«Тайн Бальды»*; я знаю, что в *«Деле»* нет того единства духа (я говорю не об узкой односторонности), который должен проходить живой струей через всю книжку журнала; я вижу, что недостает выработанной программы, которая не позволила бы появляться статьям чисто случайно: сегодня — американские женщины: завтра — китайские пагоды, послезавтра — новгородские сябры³. Все эти прорехи я вижу и понимаю, что не одна цензура в них виновата. Но я не теряю надежды, что мы «подберемся», хотя знаю, как трудно достигнуть не только удовлетворения, но даже не испытывать горького чувства при каждом выходе книжки. Видишь, что не то, совсем не то, чего бы хотелось! Из опыта двух лет я убедился, как трудно иметь статьи, желательные в журнале, то есть, чтобы они были и «журнальные» и обстоятельны, хорошо написаны и полны сведений и знаний... Да мало ли какие есть еще затруднения в этом деле... Всего не перескажешь вам, Лев Ильич, а на вас наведешь тоску... Смотрите же, не откажите в просьбе: поругайте нас, укажите недостатки... Ведь со стороны гораздо виднее...

Я уже просил вас в последнем письме давать нам статьи для первого отдела, помимо иностранных обзоров. На первый раз, позвольте, Лев Ильич, поделиться с вами темой, которая, мне кажется, была бы по времени и при известной российской писательской ловкости могла бы благополучно пройти цензурные узкости. Тема эта — общественное движение на Западе после Венского конгресса. Чтобы не испугать цензуру и не повторить вещей, более знакомых читателям, можно было бы оставить в стороне Францию и Англию (куда до них!) и пока, для первого этюда, возобновить в памяти читателя общественное движение и добывание политических прав хоть в одной только Германии. (Кстати, ее и Катков похваливает.) Пусть полюбуются, как даже скромный немец выбивался из-под лап самодержавия и не сидел сложа руки даже и тогда, когда репрессивные силы стремились задавить проявление всякой мысли... В тепереш-

К. М. СТАНЮКОВИЧ

Фотография Дьяговченко. Москва,
1880-е годыСобрание К. П. Станюковича,
Москва

нее время, когда общество так гнусно трусливо, напомнить об этом было бы полезно; не менее поучительно было бы напомнить и о Штейне, в виду царства наших государственных баши-бузуков ⁴.

Что скажете вы, Лев Ильич, о таком этюде статьи на две? Если тема эта одобряется вами — не дадите ли вы нам такой этюд? Черкните словечко. Года два назад Шашков дал нам работу в таком роде об Австрии («Австрия в эпоху реакции»), но статья была ужасно искалечена цензором вследствие неумения Шашкова избегать резких выражений... ⁵

Ваше иностранное обозрение получено, набрано и пропущено цензором. За что, Лев Ильич, вы только раздражили аппетит читателей (и мой в том числе), упомянув вскользь о мемуарах мадам Карлейль? Сами же вы говорите, что они очень интересны (то же я слышал от одного лица, читавшего их), и о мемуарах — два слова, точно вы предполагаете, что читатели «Дела» их читали? Не поговорите ли вы о них подробнее в следующем обозрении ⁶.

Я очень хорошо понимаю, что на листе, много-много листе с четвертью (вот рамки, которые можно отвести обозрению), невозможно роскошествовать разнообразием; иначе в конце обозрения поневоле придется давать краткий перечень, вроде газетного отчета, из которого читатель не познакомится с сущностью книги и не узнает отношения к ней автора. Поэтому, мне кажется, придется ограничиться знакомством читателя с выдающимися явлениями иностранной литературы и держать его «au courant» * движения европейской мысли, не особенно заботясь о разнообразии...

Я написал это и чувствую себя виноватым, вспомнив, что вы в Кларане, где нет библиотек и где, следовательно, трудно пользоваться книгами и

* в курсе (франц.).

журналами... Покупать же книги при том скудном гонораре, который пришлось установить теперь, немислимо. Вот вам еще одна дилемма, дорогой Лев Ильич, в числе многих, о которых я говорил раньше...

Знаете ли вы новую книгу о Байроне — «The Real lord Byron: New Views of the Poets' Life»? Говорят, интересная книга. Если это правда, если в ней действительно «новый» взгляд на жизнь поэта, то было бы интересно познакомиться с ней читателя... Быть может (если книга действительно хороша), вы найдете удобным сделать из нее небольшую статью? ⁷

Однако, довольно о делах. Чай, я уже надоед вам ими? А обо многом еще хотелось бы поговорить с вами, но это удовольствие я оставляю до нашего свидания, на что надеюсь. В конце мая или начале июня собираюсь поехать в Вильдунген (есть такая немецкая дыра), серьезно лечить свой запущенный мочевой пузырь, который не дает мне покоя. Доктора еще в прошлом году посылали меня туда, но... но, если бы не брат Александра Леонтьевича ⁸, обещавший меня ссудить деньгами на поездку, то, вероятно, я и в нынешнем году не собрался бы, так как «дела» очень туги. Если средства позволят спуститься в Швейцарию — конечно, спущусь.

С февраля мы все приютились в Царском Селе. И детям полезно, и карману. Сообщение удобное: полчаса до Петербурга. Теперь все у нас здорово, а сын цветет и служит общей семейной игрушкой.

Люба шлет вашей супруге и вам свой искренний привет. Такой же передайте супруге вашей и от меня. До свидания. Крепко жму вашу руку и прошу не забывать

искренне уважающего вас К. Станюковича

Р. С. Вчера из редакции зашел к Надежде Владимировне ⁹. Думал пробыть $\frac{1}{4}$ часа, а проболтал с ней целых два. В начале мая собирается к вам. Здорова, а ее дочь в полном смысле цветущий ребенок. Обещала до отъезда побывать у нас в Царском.

К. С.

¹ «Тайна Бальды» — роман А. Маттеи («Дело», 1879, № 1, 2, 4).

² В 1875 г., в связи с публикацией «Анны Карениной», в «Деле» (№ 5) был напечатан анонимный «Критический фельетон», в крайне развязной форме критиковавший романы Толстого. Станюкович неточен: автор признавал в Толстом «бездну художественного дарования», но, возмущаясь «растленной моралью» «Войны и мира» и «скандальной пустотой содержания» «Анны Карениной», заключал фельетон вопросом: «стоит ли говорить о великом искусстве, если оно потрачено в изобилии на совершенно вздорное и даже, если хотите, растленное содержание?»

³ Сябёр, сябр — то же, что смерд, мужик, холоп.

⁴ В 1882 г. в «Деле» появились две статьи С. С. Шашкова, посвященные эпизодам политической истории Европы XIX в. и написанные с позиций, сформулированных в публикуемом письме («Австрия после Венского конгресса» — № 2; «Политические движения в Германии» — № 14). В первой из них рассматривалась реакционная политика Австрии вплоть до 1873 г., когда «наступил расчет» и страну охватил экономический кризис; первоначальное название («Австрийские уроки») было запрещено цензурой. Вторая статья посвящена истории зарождения социалистической партии в Пруссии. Статья Мечникова «Национальное единство и федерализм в Германии» («Дело», 1883, № 8, 9) также отвечала намеченной Станюковичем программе. Генрих Фридрих Штейн (1757—1831) — глава правительства Пруссии в 1807—1809 гг.; отменил крепостную зависимость крестьян и провел ряд либерально-буржуазных реформ в области государственного управления; наступившая после Венского конгресса реакция свела на нет почти все его реформы.

⁵ В анонимном некрологе С. С. Шашкова отмечалось, что, вопреки всем цензурным искажениям, «жизненность статьи чувствовалась в каждом ее слове» и внутренняя политика России «находила себе полное осуждение в критике недавнего австрийского опыта» («Дело», 1882, № 10).

⁶ В майском обзоре «Новости иностранной литературы» («Дело», 1883, № 5) Мечников, упомянув о только что вышедшем издании писем Томаса Карлейля, отметил, что «Письма и мемуары» его жены («Letters and memorials of Jane Welsh Carlyle», v. 1—3. L., 1883) «читаются с гораздо большим интересом», чем его собственные письма. В дальнейшем к этой книге Мечников не возвращался.

⁷ В отзыве о труде Джона Джефферсона «Подлинный Байрон. Новый взгляд на биографию поэта» (John Jefferson, The Real lord Byron. New reagard of poets life, v. 1—3. Leipzig, 1883) Мечников поставил автору в заслугу то, что он «первый из всех писавших о Байроне» пытался уяснить, насколько Байрон в действительности «отвечает тем представлениям о творце байронизма, которые укоренились повсюду» («Дело», 1883, № 7, «Новости иностранной литературы»).

⁸ Герман Леонтьевич Эльсниц, брат А. Л. Эльсница.

⁹ См. наст. том, с. 476.

3

Wildungen Bad. Badelogierhaus, 47 .<18> 83, VII, 16

Многоуважаемый Лев Ильич,

Вчера получил гнусную телеграмму из Петербурга, известившую меня, что Лебедев не утвержден редактором¹. Через четыре дня, не окончивши лечения, еду в Петербург хлопотать о новом редакторе. Надеюсь — даже уверен, — что эта новая каверза Департамента государственной полиции — просто каверза, не более, так как закрыть журнал подцензурный им нет резона, и, наконец, если бы и был, они могли бы сделать это иначе.

Вероятно, вы получили от Германа Леонтьевича вашу рукопись? Я прочел ее с удовольствием и позволил себе только сделать карандашом знак против имени Збышевского. Он никогда графом не был. Я его знал, когда он служил во флоте (в кругосветном плавании вместе были), тогда он был большой «дантист», как выражались в старину, а в последнее время он сделался большим «дельцом», был, как говорят, в фаворе у Бонту и года два тому назад приезжал в Петербург для устройства какого-то коммерческого дела².

Крепко жму вашу руку, Лев Ильич, и прошу передать глубочайший привет Ольге Ростиславовне и Надежде Владимировне.

Весь ваш К. Станюкович

P. S. Не откажите в просьбе: переведите, пожалуйста, следующую латынь Спинозы и пришлите перевод. «Homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat et ejus sapientia non mortis sed vitae meditatio est.— Beatitudo non est virtutis premium sed ipse virtus» *

P. P. S. Вы, разумеется, получили деньги от Германа Леонтьевича. Сергею Михайловичу тоже послано 100 франков.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте храброго, но злогополучного издателя.

К. Станюкович

Н. В. Писал Эльсницу в Женеву насчет будущих сношений с редакцией. Впрочем, вас я не боюсь — Кларан не Женева.

Уеду отсюда в четверг. Надеюсь еще иметь от вас весточку.

К. С.

См. наст. том, с. 502.

Станюкович возвратил Мечникову (через Г. Л. Эльсница) рукопись его воспоминаний «М. А. Бакунин в Италии в 1864 году», две главы которых посвящены рассказу о подготовке морской экспедиции польских повстанцев в Средиземное море под руководством морского офицера Сбышевского (см. об этом: А. И. Герцен. Былое и думы, ч. VII, гл. V); воспоминания Мечникова см.: «Исторический вестник», 1897, № 3. «Дантист» — так называли офицеров, практиковавших кулачную расправу с подчиненными. Эжен Бонту — президент одного из крупнейших парижских банков 1870-х годов.

* «Свободный человек менее всего думает о смерти, и мудрость его в том, что он думает не о смерти, а о жизни. — Блаженство не награда за добродетель, но сама добродетель».

СПб. <18>84, I, 29. Воскресенье.

Простите ли вы, многоуважаемый и дорогой Лев Ильич, за мое воистину позорное молчание? Вы еще в декабре требовали ответа, а я — ни гу-гу.

Смею надеяться, что в конце концов вы великодушно произнесете: «виновен, но заслуживает снисхождения». И если только вы дадите снисхождение, то, право, не погрешите против справедливости. Дело в том, что над нами стряслась беда, о которой вы, верно, слышали. Весь декабрь наша вторая девочка (Люба) прохворала; в конце того месяца (28-го) доктора решили увезти больную из Петербурга, грозя в противном случае смертью девочки, и в январе (по русскому стилю) жена, Люба и я уже ехали в Ментон. Устроив их в Ментоне и поручив дочку вниманию Белоголового, я спешно вернулся назад и погрузился в омут разных хлопот. Вы сами знаете, что время самое горячее...

Теперь здоровье моей девочки, судя по письмам жены, улучшается, и есть надежда,¹ что Люба совсем поправится под теплым солнышком. Но, по всей вероятности, придется ей провести не одну, а две зимы на юге. В таком случае, если так решат доктора, в апреле я перевезу все остальное семейство в Швейцарию, куда приедет и Люба с больной, и они проведут лето и осень где-нибудь на берегу Женевского озера, вероятно, в Кларане, если толк моя девочка к тому времени избавится от страха перед грозами... Если нет, то придется искать других мест.

Вот, Лев Ильич, какую переделку приходится выносить благодаря этому адски-гнусному петербургскому климату.

Затем, Лев Ильич, изложив по чистой совести все свои «смягчающие обстоятельства», — перехожу к делам.

Драму Фр. Коппе, о которой вы писали, не переводите для «Дела». Нам решительно невозможно скоро ее поместить¹. Мы запаслись огромным романом Ардова (Бларамберг) и еще с ноября приняли две драматические вещи, которые надо поскорей напечатать, так что брать новые вещи решительно нельзя².

Но если мы богаты в этом году беллетристикой (хотя и не блестящей), то серьезными статьями для первого отдела не особенно богаты, и я надеюсь, что вы, Лев Ильич, будете вкладчиком по этому отделу... Нет ли у вас подходящих тем? Черкните словечко...³

Есть у меня, кроме того, специальное для вас предложение. В настоящее время вышел, кажется, уже четвертый том сочинений Н. Михайловского. Об этом публицисте, философе и критике нет до сих пор нигде сколько-нибудь обстоятельного слова, а он его, по моему мнению, во всяком случае заслуживает. Как никак, а Михайловский читался и почитался молодежью и разобрать его, я думаю, не мешало бы человеку, который был бы чужд узкопартийному пристрастию в ту или другую сторону. Мне кажется, что вы могли бы отлично это сделать. Если не о самом Михайловском, то по поводу его можно было бы дать прелюбопытную статью о нашем критико-публицистическом развитии за последнее время. Что вы на это скажете? Если согласны, то я вам немедленно вышлю все выпшедшие томы⁴.

Ваше последнее (январское) обозрение — просто прелесть и положительно одна из лучших статей январской книги. Вот какие обозрения нам бы иметь всегда! Ваш отзыв о «Лондонской голытьбе» возбудил во мне такой интерес к самой книге, что, по моему мнению, не мешало бы познакомить читателей «Дела» с этой книгой подробнее. Всю сплошь перевести, конечно, нельзя, а если бы сделать из нее извлечения, выбрав наиболее характерные места, то было бы очень кстати. Не возьметесь ли сделать

это? Если да — то нужно сделать поскорей как можно, иначе где-нибудь появится раньше. Если вам некогда — не попросите ли взять на себя эту работу Александра Леонтьевича?⁵ За такие компиляции (полупереводы) мы платим от 30 до 40 р. с листа... Ответьте, пожалуйста, что вы думаете насчет этого предложения?

Дела «Дела» в этом году чуть-чуть лучше, и есть надежда, что будет около 4 000 подписчиков. Год будет трудный, так как долг на журнале изрядный, но я, по свойственной мне отваге, не боюсь, тем более, что даже небольшой прирост доказывает кое-что... И есть люди, которые дают мне кредит. Между прочим, интересное явление... Из 3 200 подписчиков, которых мы имеем в настоящую минуту, около 1 000 новых, и много рассроченных, благодаря объявлениям о рассрочке. Радоваться ли такой перемене читателя — покажет будущее, но что контингент читателя «Дела» меняется, в этом нет сомнения, и об этом я вам писал еще в прошлом году⁶...

Надежда, что будет до 4 000 подписчиков, заставила меня чуть-чуть возвысить гонорар. К сожалению, только чуть-чуть... Больше пока невозможно...

Крепко жму вашу руку и прошу передать искренние приветы вашей супруге и Надежде Владимировне.

Весь ваш К. Станюкович

¹ По-видимому, Мечников предлагал перевести драму Франсуа Коппе «Северо Торелли» (1883), имевшую большой успех в Париже. Перевод ее в «Деле» не появился.

² Е. Ардов — Елена Ивановна *Апрелева* (рожд. Бларамберг; 1846—1923). Ее роман «Руфина Каздоева» см.: «Дело», 1884, № 1—5. «Две драматические вещи» — по-видимому, «Бабий бунт» А. И. Эртеля (№ 1) и комедия А. И. Пальма «Милочка» (№ 2).

³ На это предложение Мечников откликнулся статьей «Школа борьбы в социологии» («Дело», 1884, № 4, 5).

⁴ Статья Мечникова о Собрании сочинений Н. К. Михайловского в «Деле» не появлялась.

⁵ Значительная часть январского обозрения «Новости иностранной литературы» посвящена вопросу о «борьбе с нищетой в английской публицистике» («Дело», 1884, № 1). Предметом разбора Мечникова были книги Эндрю Мэрнса «Горький крик отверженных Лондона» (Andrew Mearns. The Bitter Cry of out cast London. L., 1883) и Гектора Франса «Лондонская голытьба» (Hector France. Les Vanu-pieds de Londres. P., 1883). Последняя книга, автор которой ставил целью «сорвать со старой Англии личину ложной добродетели», интересна, по словам Мечникова, «прежде всего своей правдивостью». Сокращенный перевод ее см.: «Дело», 1884, № 3.

⁶ См. п. 2.